

россия молодая

ПРОЗА «РЕЗОНАНС»

ЭТА ГИБЛАЯ ЖИЗНЬ

Коллектив авторов
Эта гиблая жизнь

«ИТРК»

Коллектив авторов

Эта гиблая жизнь / Коллектив авторов — «ИТРК»,

Новый сборник серии «Россия молодая», объединяющий рассказы, повести и очерки современных российских писателей, очень целен в своем идейном послыле... Он раскрывает перед читателем, честно, жестко и откровенно, лик современной российской действительности, ту жизнь, которая выпала с началом перестройки трудовому люду России. Жизнь эта зачастую беспросветна и тяжела, она гнетет и давит, в ней лишь выживают с трудом, забыв о счастье и покое.

© Коллектив авторов

© ИТРК

Содержание

Русская проза	5
Постникова Екатерина	7
Чистое небо той зимы (рассказ)	8
Аттракцион (рассказ)	17
Екатерина Сими́на	29
Москва, помойка (рассказ)	30
Продвинутая (рассказ)	38
Андрей Макаров	43
Третий двор (рассказ)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Коллектив авторов

Эта гиблая жизнь

Русская проза

Откроем карты сразу?... Все равно ведь придется объясняться: такая уж книга, такой сборник.

Прежде всего – о его названии. «Эта гиблая жизнь»... Как это так: жизнь – бесценный, щедрый дар, несущий всем нам свет и счастье, и вдруг – гиблая, гибельная? А вот так, и по очень простой для многих (счет – на миллионы!), ныне живущих в России. Гляньте окрест, оглянитесь! Что вы увидите? Разваленная, разворованная страна – в руинах, в бездорожье, бестолочи и бесхозяйственности. Все – в забросе... Причем, в каком-то ликующем, напористо-наглom, утверждающем нам ежедневно, ежечасно – другой жизни более уж не будет, не видать вам ее, и потому привыкайте к этой, оскорбляющей и унижающей человеческое достоинство, гордость, честь, право на нужную, любимую работу, когда выбирать уж не приходится, бери, что дают, что случай подкинет и не косороться, не брезгуй – до того ли!.. Ведь не живешь – выживаешь, не благодаря, а вопреки.

Коли «не вписался», не стал олигархом, «новым русским», шикующим за счет наворованного, награбленного, когда после бандитской и наглой, беспрецедентной приватизации – заводы, фабрики – за бесценок, океанские суда – за один доллар! – воцарился стараниями демократов-перестройщиков новый «порядок» и уголовно-бандитский беспредел, то смиришься, терпи и «не возникай»! Для новых хозяев жизни в нынешней России, открывших валютные счета «за бугром», отправивших своих детей учиться в зарубежные университеты и колледжи, ты – никто, грязь под ногами, и чем быстрее ты и тебе подобные, «не вписавшиеся», перемрете – тем лучше для них! Все вы отныне – балласт, вас списали, вас забыли, как Фирса в «Вишневом саде», и рубят, рубят последнее в России – только треск идет!

Об этом – сборник, потому так и называется, и название это криком кричит... Оно – как стон, как проклятие всем тем, кто установил и насадил в России «новый порядок», как плевок кровью им в лицо, – пусть утрутся, пусть знают, что все мы, оставленные за порогом устроенной ими, гибельной для нас жизни, знаем ей цену и не желаем с ней смиряться, быть холопами и рабами при новых господах...

Существенно: в сборнике этом, несмотря на его направленность, на само содержание и пафос, нет и намек на пресловутую «чернуху», которая нынче правит бал: что на страницах многих выходящих сегодня книг, что на телевидении (уж на нем-то особенно!). Ведь чернуха – это ликующе-сластоустрастное смакование язв и пороков, их нагнетание, когда в авторской позиции лишь одно: вот сейчас уж напугаю, так напугаю – всех переплону, всех забью, буду самой «крутой»!

Нет, в сборнике «Эта гиблая жизнь» – совсем иное... Здесь – боль и сострадание, та авторская любовь к «маленькому человеку», несчастному, погибающему сыну порушенной земли нашей, которой всегда упрямо была

жива русская литература, начиная с Радищева, Гоголя, Пушкина, Некрасова, Достоевского и Толстого...

Это – подлинно русская проза, открытая, жесткая и точная, справедливая и в своем нравственном посыле, и в нескудеющей, негаснувшей любви к трудовому люду России, и в гневном, отрицающем, ниспровергающем презрении ко всем тем, кто рушит уклад нашей страны, добивает и доламывает в ней, кажется, уж последнее...

И видится, мерцает в прозе этой, как раскаленный, рдяный уголь, как несгорающая купина, свет упрямой, стойкой надежды на иную долю, иную жизнь, которой все мы, трудовые люди России, достойны... Это ведь мы, а вовсе не новые в ней «хозяева», держим на своих плечах, своим трудом ее жизнь. Держим, несмотря ни на что... Так было всегда, и точно так же будет и впредь – ведь воры, бандиты могут лишь грабить, пускать в распыл все то, что было не ими нажито и построено. Они – тати в нощи, и не вечно же будет лежать над просторами России глухая, гибельная ночь их шабаша! Будет, будет еще третий крик петуха, прозвучит над русской землей, и затеплится над ней розовая, нежная полоса рассвета, все разгорающаяся, все набирающая силу... Авторы сборника верят в это, и потому в нем – не только боль и гнев. В нем еще – и надежда...

Игорь Штокман

Постникова Екатерина

Постникова Екатерина Валерьевна родилась в 1976 г. в Москве, в семье военного. Позже сама служила сначала в Вооруженных Силах, потом во внутренних войсках МВД РФ.

Основные публикации 2000 г. – журнал «Юность» №№ 7–8, 9; 2001 г. – журнал «Юность» №№ 10–11; 2002 г. – журнал «Юность» №№ 7–8, журнал «Смена» № 7, журнал «Химия и жизнь» № 6, газета «Московский железнодорожник» № 46, 2003 г. – журнал «Если» № 3, журнал «Смена» № 4, журнал «Техника – молодежи» № 5.

Кроме того, несколько рассказов опубликовано в военных изданиях, начиная с 1998 года.

Премия имени Валентина Катаева за лучшую публикацию журнала «Юность» по итогам 2001 года. Победа в конкурсе «Альтернативная реальность», проведенном журналом «Если» в 2003 году.

Чистое небо той зимы (рассказ)

Бабушка Соня впервые пожаловалась на боль в сентябре, буквально через несколько дней после начала занятий в школе. Все лето она была бодрой, бегала по магазинам и гостям, солила огурцы, обзванивала подруг и тащила их на озеро устраивать пикник под открытым небом, в общем – жила. Затеяла даже ремонт в своей комнате, но так и не нашла сил. У нее уже что-то болело, но не сильно, вполне терпимо. Можно было сказать себе: «Милая, а чего ты хочешь в семьдесят лет?» и философски вздохнуть. Но ко всему добавилась слабость, и бабушка стала больше сидеть, чем ходить, а по утрам взбадривала себя все большим количеством кофе, однако – тщетно.

– Ты что? – рано утром, в морсящий дождь, внучка тронула ее, задремавшую за завтраком, и заставила очнуться.

– Я?! А, ничего. Не выпалась.

– Не ври, бабуль.

Бабушка Соня покусала нижнюю губу. В последние дни она начала худеть, и первым почему-то осунулось лицо.

– У тебя что-то болит? – внучка внимательно посмотрела ей в глаза. – Я же вижу. Ты нездорова.

– Я просто старая, а что у стариков не болит? Внучка фыркнула.

– Ладно. Вот здесь, – бабушка положила руку на живот. – Но это же не такая боль, чтобы...

– Ты у врача была?

– Зачем?

Несколько секунд они глядели друг на друга, потом внучка досадливо поморщилась:

– Ну, тебя что, насильно в поликлинику тащить, да? Взрослая женщина, старая, как ты говоришь, а ведешь себя...

– Не пойду, – капризно возразила бабушка. – Сама сказала: я – женщина. А болит что-то по женской части. Возьмут, вырежут все – и что от меня останется?

– Почему сразу вырежут? – подняла брови внучка и вдруг побледнела. – Бабушка, да ты что такое думаешь, ты спятила...

– Ты в школу идешь? – бабушка посмотрела на круглые старинные часы.

– Нет.

– Выгонят.

– Да по фигу.

Весь коридор второго этажа поликлиники запрудил огромная очередь, и бабушка сразу скисла:

– Нет, я стоять не буду.

– Жди здесь! – внучка рванула бегом, на ходу застегивая куртку, слетела вниз через две ступеньки и пулей долетела до ближайшего гастронома.

В стране еще держался старый добрый социализм, кое-что пока продавалось, не ввели талоны и не начали писать на ладонях номера шариковой ручкой. Магазин был полупуст, за кондитерским прилавком, пестреющим карамельками в стеклянных сотах, зевала толстая крашеная блондинка.

– Верочка! – искренне обрадовалась она. – Как Софья Михайловна?

– Тетя Лена, – девочка пыталась отдышаться. – У вас конфеты хорошие есть? Бабушке нужно. Для врача.

– Что, заболела? – продавщица нахмурилась.

– Не знаю еще. В поликлинике очередь, а она стоять не хочет...

– Ой, поликлиники эти... – лицо блондинки выразило сразу несколько эмоций. – А конфеты есть. Сейчас будут.

Обратно Вера неслась с коробкой под мышкой, и конфеты гремели внутри при каждом шаге.

– Я поражаюсь твоей наглости... – пробормотала бабушка Соня, когда внучка, не обращая внимания на протестующие вопли очереди, втиснулась в кабинет, пробыла там секунду и высунулась, протягивая руку: «Входи!».

Докторша оказалась насмерть простуженной, но улыбочливой, и начала вежливо расспрашивать о самочувствии. Уточнила, где болит, прощупала бабушкин живот. Вера стояла, деликатно отвернувшись, и ясно представляла себе мысли обеих женщин.

Бабушка: «Господи, как же она работает в таком состоянии? У нее из носа течет, как из крана... И пальцы холодные».

Докторша: «Надо же, старуха, а как одета! И белье дорогое. Надушилась вся... Денег, небось, куры не клюют».

Бабушка: «Не знаешь, что у меня – так и скажи, и нечего умное лицо делать».

Докторша: «Чему у нее там болеть? В семьдесят лет?... Или аппендицит?...»

Бабушка: «Ну да, ну да, еще вот тут помни, и тут... Лучше бы ты меня к гинекологу направила и не мучилась».

– Знаете что, дорогая? – донесся до девочки голос докторши. – Я вам выпишу направление в районную больницу, к профессору Якушкиной. Прямо сейчас и поезжайте, она до семи принимает. Заодно и биопсию сделаете, и все анализы сразу...

– Якушкина – это гинеколог? – спросила бабушка, застегивая молнию на юбке и поправляя свитер.

– Это... ну, не совсем... – врачаха странно замаялась, и до Веры вдруг дошло, что бабушкины-то мысли она угадала верно, а вот насчет доктора все сложнее...

До больницы они добрались за час и несказанно удивились пустым коридорам консультативного отделения. В еще больший шок их поверг буфет с кофе и пирожками, а уж совсем доконал трехсотлитровый аквариум с рыбками, стоящий в вестибюле на сварном железном треножнике.

Профессор Якушкина С. К., онколог (у Веры затряслись руки), обнаружилась за высокой белой дверью с золоченой табличкой. Девочку сразу выгнали, а бабушка застряла минут на сорок.

«Может, это и хорошо, – Вера бродила туда – обратно по широкому звонкому коридору. – Раз так долго смотрят, значит, сомневаются. Правильно. Надо как следует проверить. Наверное, у нее все-таки не рак... Господи, пусть у нее будет не рак!».

Открылась дверь, и вышла бабушка в сопровождении немолодой густо накрашенной медсестры. Секунду они пошептались, потом бабушка позвала каким-то серым, изменившимся голосом:

– Зайчик!

Девочка подбежала и схватила ее за руку:

– Ну как?...

У Софьи Михайловны тревожно бегали глаза:

– Слушай, меня кладут сейчас... На обследование. У меня опухоль. Говорят, что миома. Это не страшно, это доброкачественное...

Вера начала всхлипывать.

– Подожди, не расстраивайся... Я же говорю, это не страшно. Может быть, сделают операцию. Я же не умру от этого, чего ты!..

Внучка кивнула и вдруг с ужасом уставилась на ее уши: в них не хватало золотых сережек с изумрудами. Сережек, с которыми бабушка никогда не расставалась.

– Бабуля, ты...

Та сильнее сжала ее ладонь и зашептала на ухо:

– Я тебя попрошу, съезди сейчас домой, привези мне мою пижаму, халат... только не шелковый, а фланелевый, он в шкафу на нижней полке. Ну, мыло, шампунь, все такое... ладно? Еды не вези, тут хорошая больница, кормят хорошо... – Бабушка оглянулась на равнодушную медсестру и вдруг начала стягивать с рук кольца. – Вот, возьми, отвези все домой. Положи в мою шкатулку. И никому не рассказывай, почему я здесь! Никому! Моим подругам тоже не говори, скажи, что я... что у меня желудок. Да, скажешь, что у бабушки просто болит желудок.

В электричке Вера тихо плакала, сжимая в кулаке три бабушкиных золотых кольца, брошку и цепочку с медальоном в виде розы. От драгоценностей пахло духами, этим запахом пропитались и руки, и карман куртки, и девочка все время машинально подносила кулак к носу. Сладкий аромат лаванды вызывал новые слезы.

Они редко жили с бабушкой вместе. Веру воспитывал отец, но случалось, что какая-то сила выдергивала его из дома в совершенно запредельные дали, куда заказана дорога детям, и девочка послушно собирала вещи и ехала в маленький подмосковный городок, в коммуналку с высокими потолками, в большую светлую комнату, полную зеркал и безделушек. Бабушка жила одна и всегда принимала ее радостно. Впрочем, было в этой радости что-то горькое, какая-то вина, которую Софья Михайловна всеми силами пыталась загладить.

Сейчас отца похитило чудовище по имени РВСН и уволокло аж на Новую Землю. Вера порасспросила ребят в классе и узнала, что это – «ракетные войска стратегического назначения». Он уехал полтора месяца назад, оставив денег, и прислал уже два длинных трогательных письма, начинающихся словами: «Привет, мой маленький сибирский кот!». Созвониться не получалось, и Вера, подумав, решила не посылать ему телеграмму. Бабушка же просила никому не говорить. И вообще, зачем дергать папу. Ему там и так, по его выражению, тухло.

Дома было чисто, пусто, пахло блинами. Бабушкины соседи обитали на даче, и в огромной квартире слышалось слабое эхо. Почтовый ящик подарил третье отцовское письмо.

«Здравствуй, мой дорогой, самый огромный в мире сибирский котяра!

Представляешь, сижу я ночью в казарме, записываю умные мысли в свой блокнот (потом дам почитать) и вдруг слышу странные звуки. Как будто кто-то косточкой подавился. Пошел посмотреть, а это дневальный стоит на посту и смеется до истерики. Рот сам себе зажал и корчится. Меня увидел, по стойке «смирно» вытянулся, а сказать ничего не может, только показывает куда-то.

Я глянул, куда он показывает, и что ты думаешь? По казарме с деловым видом бродит большая птица, вроде гагары, толстая такая, как курица, и в тапочки бойцам заглядывает. А в клюве у нее чей-то носок. И гуляет, как на бульваре, вразвалочку.

Я на дневального смотрю, сам уже смеюсь, а он вдруг мне добавил радости:

– Товарищ майор, прикажете выгнать этого пингвина или пусть пока побудет?

Вот тут меня, котик, и развезло. Сел на табуретку и встать не могу, ржу, как лошадь. Слово «пингвин» почему-то рассмешило. Наверное, это уже от нервов и одиночества. Я скучаю по тебе...»

Вера читала письмо в электричке по дороге в больницу, пристроив листки на туго набитой кожаной сумке. Она везла бабушке, кроме халата и пижамы, ее пудру, духи, сиреневые меховые тапочки, зеркало, щипцы для завивки, крем для лица. В семьдесят лет женщина остается женщиной, а бабушка – в особенности. Да никто и не дает ей семидесяти, самое большее – шестьдесят.

Палата оказалась одиночной и довольно уютной. Серьги с изумрудами сделали свое дело: кто-то принес настольную лампу, маленький черно-белый телевизор, графин с водой, мягкий стул, столик, электрический чайник. Пока Вера разгружала сумку, бабушка, сидя на кровати,

все говорила и говорила что-то нервным дрожащим голосом, потом замолчала и вдруг сказала задумчиво:

– Главное, зайчик, не паниковать. А я паникую. Не надо.

И началось. Каждый день после школы девочка садилась в электричку и ехала в больницу, и каждый день выяснялось, что операции пока не будет. Давно сделали анализы, рентгеновские снимки, провели консилиум, исписали кучу бумаги, но дело не двигалось.

Кончился сентябрь, зарядили дожди, дороги развезло в кашу. Бабушка сильно похудела, и пижама болталась на ней, как на вешалке. Вере казалось даже, что она стала меньше ростом, настолько высохло ее тело. Духи, забытые, стояли на подоконнике, потом исчезли, и бабушка равнодушно сказала, что отдала их медсестре: «Пусть пользуется, она молодая...» Телевизор работал постоянно, до ночи, пока на экране не начинала противно свистеть частотная настройка, и Софья Михайловна смущенно призналась, что он отвлекает ее от «всяких мыслей».

А в начале октября она вдруг обняла внучку и попросила:

– Заяц, сделай одолжение, привези мой медальончик. Вера улыбнулась было, но вдруг зашмыгала носом:

– Бабушка, ты хочешь его отдать!

– Не отдать. Подарить. У меня, видишь ли, рак, что бы они там ни болтали про доброкачественную опухоль. Мне нужна, очень нужна операция!..

– Суки! – заплакала девочка. – Они специально тебя не режут, они...

– Тихо! – бабушка намертво зажала ей рот. – Ты сделаешь? Привезешь? Зачем мне медальон на том свете, верно? Я еще на этом пожить хочу. Пусть даже без всякого золота.

Медальон она привезла и отдала бабушке, в последний раз открыв его и глянув на свою младенческую фотографию. А на следующий день ее встретила на пороге отделения доктор Бородина, лечащий врач бабушки, и ласково обняла за плечи:

– Здравствуй, моя хорошая. К Софье Михайловне сейчас нельзя, она спит после операции. Ты лучше завтра приезжай. Или даже дня через два, когда она совсем отойдет от наркоза.

– Но все хорошо? – исподлобья спросила Вера.

– Да! Да, мой маленький, конечно, хорошо! Что ты так на меня смотришь?... Операцию сделали, опухоли больше нет. Теперь ждем выздоровления. И ты бабушку не волнуй, не рассказывай ей плохого.

Как ни странно, ни назавтра, ни через два дня бабушка от наркоза не отошла. Мутными слезящимися глазами смотрела она с голубой больничной подушки и слабо дышала, будто боялась своим дыханием кого-то растревожить. Вера сидела с ней, но так и не была уверена, что ее видят и узнают. Бабушка была где-то далеко. Ей кололи сильное обезболивающее и приносили горы таблеток. Ставили бесконечные капельницы. Постоянно мерили температуру. А Веру выгоняли уже через полчаса.

Был вторник, когда Бородина окликнула ее на лестнице:

– Лапочка моя!..

– Почему бабушка такая? – девочка смотрела волчонком, ни на секунду не забывая о медальоне. – Что вы с ней делаете?

– А как ты хотела? – удивилась докторша. – Операция очень серьезная и тяжелая. Она еще месяц даже вставать не сможет, а ты через неделю хочешь, чтобы она прыгала.

Вера засомневалась. А действительно, ведь тяжелая операция. И бабушке как-никак семьдесят лет.

– Но ты можешь облегчить ее состояние, – сказала Бородина. – Есть хорошее немецкое лекарство, ускоряющее заживление операционных ран. Как называется, ты все равно не запомнишь, но оно просто чудеса делает. Если поколоть его твоей бабушке, она за две недели на ноги встанет.

Вера вскинулась:

– А можно?!

– Можно. Я постараюсь достать. Но учти, оно дорогое.

– Сколько?... Бородина понизила голос:

– Сто двадцать рублей за десять ампул.

– Хорошо!.. Но у меня сейчас нет... – девочка мысленно посчитала содержимое своего кошелька. – А вы не можете сегодня достать, а деньги я завтра привезу?

– Да... я пока заплачу из своих, – Бородина тронула ее волосы. – Только ты меня не обманывай, у меня ведь тоже есть дочка, а зарплата небольшая. Сама понимаешь.

– Вы что! – испугалась Вера, в которой горячая благодарность смешивалась с легкой обидой. – Сроду никого не обманывала, кроме учителей, но их можно, у них работа такая...

Сто двадцать рублей она взяла из неполных восьмисот, оставленных отцом на полгода, и рано утром уже бежала по лестнице в онкологическое отделение, прижимая к бющемусу сердцу жесткие бумажки.

За две недели бабушка на ноги не встала, и Бородина вздохнула:

– Надо еще поколоть. Все-таки возраст, все плохо заживает... Вера без возражений снова залезла в шкаф и отсчитала еще сто двадцать рублей. Потом бабушке понадобилась особая сыворотка, повышающая иммунитет, потом – специальное питание, а в начале декабря Бородина снова предложила поколоть немецкое лекарство. На всякий случай.

Уже лежал плотный снег, установился мороз, и Вера мерзла в толстой кроличьей шубке и двух свитерах, не понимая, почему мерзнет, и не желая признаваться самой себе, что причина этому – голод.

Деньги кончились.

Бабушка очень следила за собой и всегда закупала коробками дорогое туалетное мыло, кремы, шампуни, салфетки, белье, чтобы не ходить в магазин за каждой мелочью, но вот продуктами она не запасалась, предпочитая все свежее, желательно с рынка. Ничего, кроме двух килограммов сахара и пары банок кильки в томате, дома не осталось.

Несколько дней Вера питалась белым хлебом, посыпая тонкие кусочки сахарным песком и запивая чаем. Мысли текли одна тревожнее другой, особенно когда принесли квитанцию за телефон и подошел срок платить за квартиру. К тому же, вдруг позвонила Бородина.

Это было вечером, когда по телевизору заканчивался интересный фильм.

– Лапонька, – голос докторши напоминал посыпанный сахаром хлеб, только не белый, а черный, совсем зачерствевший. – Ты прости, что от уроков тебя отвлекаю...

– Я не делаю уроков, – мрачно отозвалась Вера.

– Что ж ты так?... Ну ладно, я звоню потому, что бабушке твоей хуже стало, сердце шалит, сегодня вот кардиограмму делали, а там такие пики...

Девочка молчала.

– Ты слушаешь? – спросила Бородина. – Я тут подумала, надо бы ей укольчики поделать, а то и до инфаркта так недалеко...

– У меня нет больше денег, – сдавленным голосом сказала девочка.

– Как же нам быть?... – на том конце провода словно возник холодный ветерок и сдул слой сахара с куска черного хлеба. – Неужели ты для родной бабушки десятку не найдешь? Я могу, разумеется, ей колоть то же, что и всем, но и выздоравливать она будет, как все...

Жуткое видение вонючей общей палаты на восемь коек, неизвестно каких лекарств, злых нянечек и застоявшегося воздуха больничной безнадёги заставило Веру сжаться с трубкой в руке.

– Я придумаю... – пискнула она. – Что-нибудь. Обязательно... Сколько надо денег?

– Всего-то восемьдесят рублей, – сахар вернулся, но у него был мерзкий привкус.

Распрощавшись с докторшей, она больше часа рыдала в подушку, потом высморкалась и набрала номер подруги:

– Надь, привет, – говорить было трудно. – Ты все еще куртку кожаную хочешь?...

В день рождения, преодолев железную хватку РВСН, дозвонился отец и заорал сквозь треск веселым голосом:

– Привет моему коту, огромному, взрослому и пушистому!..

– Привет, папочка! – Вера старалась не шмыгать носом. Только что она плакала, вернувшись от бабушки, и еще не успокоилась, даже выпив половину флакона валерьянки.

– Поздравляю кота с четырнадцатилетием! Желаю стать совсем большим, самым умным и самым красивым!.. Как ты?

– Я хорошо, я нормально! – бодро закричала Вера. – А как ты?

– Лучше всех, если не считать того, что я по тебе скучаю! Но меня утешает мысль, что осталось всего два месяца! Даже меньше! И я приеду!

– Честно-честно?

– Да! И мы вместе двинем в Мурманск жрать рыбу и набираться целительного фосфора! Кстати, я тебе перевод прислал, уже должен дойти. У нас тут с магазинами напряженка, поэтому купи сама себе что-нибудь!

– Спасибо! – у Веры чуть отлегло от сердца. Бородина сказала, нужно еще сто восемьдесят пять рублей, и все.

Отец прислал двести.

Она считалась девочкой из хорошей, богатой семьи. Наверное, из-за дорогих шмоток, которые покупал ей отец, золотых сережек, кожаной школьной сумки, японского плеера. Бабушку ее знал весь городок, уважали, здоровались. Покойному деду, Герою Советского Союза, даже бюст поставили у заводской проходной. Мужики из местной воинской части спрашивали, как поживает папа. Мать знали тоже, но по молчаливому соглашению не упоминали при Вере.

Мать как-то выбивалась из стройного ряда положительных персонажей. За спиной у девочки соседки шушукались: бедная, при живой матери – сирота, у бабки живет, ладно – отец, он военный, перекасти-поле, а мать – вон она, то с одним, то с другим, и вообще странная какая-то...

Веру это все не волновало. Пару раз она даже видела свою мать на улице и осталась равнодушна: тетка как тетка, немолодая и не слишком красивая, непонятно, что папа в ней нашел.

Она любила отца, любила бабушку, любила свою жизнь, какой она была до всей этой истории с больницей. Читала, рисовала, самолетики клеила, метила в будущем в стюардессы, училась так себе, друзей и подруг было море. Но друзья друзьями, а вдруг оказалось, что ни одной живой душе не может она признаться, что дома нечего есть, плата за квартиру опять просрочена, а бабушка все не поправляется...

На почте, куда она пришла устраиваться на работу, ей сказали: нет мест, летом приходи, в каникулы, когда все будут в отпусках. Магазин тоже отказал, а в близкой Москве было полно своих подростков, мечтающих заработать на обновку или мороженое.

Она пыталась. Убирала за деньги чужие квартиры, ходила в магазин, сидела с капризными детьми, ездила на какую-то овощебазу обрезать капустные листья, перебирать картошку в хранилище. Платили копейки. Хватило на квартплату и телефон (вдруг позвонит отец?), на хлеб, на чайную заварку, на яблоки бабушке. От постоянного голода начал болеть живот, и Вера купила новокаин и пила его прямо из ампул, чтобы утихомирить боль и жжение. Врач сказал: язва. Выписал дорогое лекарство. И посоветовал не злоупотреблять жареной картошкой. При этих словах Вера заплакала.

Близился Новый год, больницу украсили гирляндами, и девочка, сидя в бабушкиной палате, все время слышала магнитофонную музыку из ординаторской.

– Ты похудела, – сказала бабушка. Швы у нее гноились и не заживали, несмотря на чудосыворотку.

– Да так. Давно пора было.

– Небось, одним кофе питаешься.

– Да ты что, я ем, как лошадь, – Вера засмеялась.

– Может, ты курить начала? Или влюбилась?

Курить Вера и вправду начала, чтобы не так хотеть есть, а вот влюбляться ее совсем не тянуло.

...Иногда, после целого дня поисков работы, она заходила в маленькую бутербродную в центре Москвы, грелась там, пила горьковатый крепкий чай, жевала пропитанный маслом хлеб, а жареную колбасу с бутербродов уносила домой и варила из нее суп. После чая с хлебом у нее наступало что-то вроде опьянения, и мир начинал казаться добрым и светлым.

Погода на улице стояла сказочная, мороз и солнце, синие тени на снегу, яркие блики в окнах и чистое, ясное, пронзительно-голубое небо. Температура доходила до минус двадцати пяти и прохожие шли закутанные, краснощекие, бодрые от холода. А Вера безжалостно мерзла в своей теплой шубе и через пять минут после выхода на улицу не чувствовала ни рук, ни ног. Все немело, даже язык.

Она думала об отце в тот день, когда было особенно холодно и особенно нечего есть. С утра она попила несладкого чая, отвезла бабушке всего два яблока (на большее не хватило денег) и зайцем, тревожно высматривая контролеров, приехала в Москву. Фабричная окраина, на которую ее занесло, была пустыня, вокруг тянулись склады и бетонные заборы, величественно возвышались заиндевевшие кирпичные трубы, и над всем этим странным пейзажем, в другое время обязательно затронувшим бы ее воображение, сияло резкое зимнее солнце.

Проехала и остановилась чуть впереди белая легковушка, оттуда вытряхнулась семья: мужчина, женщина и маленькая, лет пяти, девочка. Все тепло одетые, с коробками и свертками, смеющиеся без остановки. Вера разглядела среди заборов приземистое двухэтажное здание с вывеской «Общежитие» и елочкой у входа. Семья шла туда. Из здания долетали веселые голоса, музыка, запах чего-то жареного, и девочка ускорила шаги, чтобы не чувствовать этого запаха, вызывающего в желудке тупую боль.

Она думала об отце. Можно наскрести где-то денег и дать ему телеграмму: «Папа, я голодаю, помоги! Бабушка в больнице, мне пришлось отдать врачам все деньги, я продала лучшие свои вещи, денег больше нет». Но что сделает папа? Он, конечно, возьмет все в свои руки, пришлет перевод, потом сорвется и прилетит сам, устроив в своем РВСН страшный скандал. Но можно ли так делать? Папа – чувствительный, нервный, «психованный», как бабушка говорит. Дергать его – жестоко. Надо еще потерпеть. И вообще ничего ему не рассказывать. Никогда.

Новый запах заставил ее напрячься: пахло вареной капустой. Кто-то варил щи, настоящие, с мясом. Совсем недалеко, буквально вот за этой дверью...

Она сама не поняла, как толкнула заветную дверь и очутилась в просторном, облицованном белым кафелем, влажно-жарком помещении с запотевшими окнами. Толстые румяные женщины в белых колпаках, похожие на врачей, хохотали, переговаривались, вытирали рукавами халатов мокрые лбы, помешивали что-то в огромных котлах. Мощные вытяжки глотали горячий пар, гудели, пощелкивали.

– Тебе кого, Снегурочка? – радостно спросила одна из поварих, увидев Веру в белой шубке и белой же шапочке. – Маму?... Тама-ар!.. Не твоя пришла?

Вера смотрела на нее, как на богиню. Показалась Тамара, тоже круглая, румяная, с добрым лицом в морщинках и ямочках:

– Нет, не моя. Ты кто, ласточка?

И тут Вера, внезапно задохнувшись от острой зависти к неведомой дочке этой Тамары, сморщилась от слез и выдавила:

– Я кушать хочу.

И произошло настоящее предновогоднее чудо. Заботливые руки сняли с нее шубку, стянули две пары варежек, сунули взамен большую алюминиевую ложку и четвертинку черного хлеба, пододвинули к мокрому металлическому столу табуретку:

– Садись, садись!.. Слабенькая какая. У тебя что случилось? Мама где?

Перед ней очутилась полная миска дымящихся щей, и Вера набросилась на эти щи, давясь и обжигая язык, а тетки стояли кругом и сокрушенно бормотали:

– Господи ты, Боже... А ведь не бродяжка, чистенькая девочка, и одета хорошо... Кушай, кушай, деточка. Второго, жалко, нет, второе работягам не положено... Вот, с собой еще хлеба возьмешь. Да не торопись ты, никто ж не отнимает...

В глазах у них застыла жалость, но Вере даже не было стыдно, что чужие женщины жалеют ее. Ей хотелось только есть, и голод никак не уходил. Налили вторую миску, заварили чай и бросили туда шесть кусков сахара из порванной коробки. Добрая Тамара отыскала в сумке надломанную плитку шоколада и положила рядом с чаем.

Вера жадно ела и отвечала на их вопросы. Да, есть квартира. То есть, комната. Есть папа и бабушка, но у бабушки рак, и она в больнице. Врачи забрали все. И могут потребовать еще. А папа в РВСН, и он нервный, его нельзя беспокоить...

Выпустили ее только через полтора часа, когда убедились, что больше в нее ничего не влезет, даже крохотный кусочек. Она вышла на мороз, чувствуя, как горит лицо и тает за щекой твердый сахарный кубик. Ей было хорошо. Под мышкой в пакетике она держала две буханки серого хлеба и банку тушенки, и сокровища эти казались такими тяжелыми...

Стыдно ей стало лишь дома, когда прошла эйфория от еды.

Второй прилив стыда она ощутила через неделю, когда в магазине самообслуживания, прячась за прилавком-холодильником с рыбными деликатесами, торопливо проглотила ворованную булочку с изюмом, мягкую и сладкую, сразу вызвавшую боль и слезы.

Потом стыд прошел, главным стало другое: где достать еду. Неважно – как. Можно и украсть. Главное – где.

Она не помнила, как встретила Новый год. Кажется, по телевизору били куранты и шел «Голубой огонек», а на столе лежала бережно сохраненная плитка шоколада, которую подарила Тамара. Потом – провал. И жесткий ворс ковра где-то возле щеки.

«Пожалуйста, – мысленно сказала Вера, обращаясь то ли к Богу, то ли к Деду Морозу, – пожалуйста, пусть все станет, как раньше! Пусть бабушка поправится! Пусть папа вернется в Москву! Пусть будет много еды!»

Первого января в восемь часов утра раздался длинный звонок в дверь. Вера, заспанная, ослабевшая настолько, что каждый шаг вызывал головокружение, дошла до прихожей и вдруг почувствовала, как сильнее забилось сердце. Так звонила только бабушка.

Это и была она, бледная, совсем постаревшая, в осенней куртке, с жестким лицом и зажатой под мышкой сумкой с вещами.

– Выписали?! – ахнула Вера.

Софья Михайловна молча вошла, поставила сумку на пол и вдруг заорала, заставив внуку отшатнуться:

– Ты почему мне не сказала, паршивка этакая?!. Почему я от чужих людей все узнаю, а?!. Нет, ты мне скажи, какого черта?!.

Запал у нее кончился, и она замолчала. Потом протянула руки и прижала внуку к себе:

– Это правда? Насчет денег?... Я Бородиной этой мозги-то выбью, горшок ночной возьму и выбью!.. Ты представь, является ко мне совершенно посторонняя баба, я даже имени не знаю,

и заявляет, что так, мол, и так, ваша внучка голодная по улицам ходит, кушать просит, а врачи все деньги у нее отняли...

«Кто-то из поварих?» – мелькнуло у Веры.

– Ну, ты представь! – бабушка все не могла успокоиться. Отпустив девочку, она начала мерить шагами прихожую. – Я иду к Бородиной, а она на меня – большие глаза, мол, ничего не знаю, денег никаких не требовала, а внучка ваша, небось, их на шмотки и на мороженое потратила...

– На мороженое?! – Вера замерла, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

– Тихо, тихо!.. – бабушка торопливо подскочила к ней и стала обнимать и гладить по голове. – Все, все... Я уже дома. Сейчас сберкасса откроется, получим мы с тобой мою пенсию за все это время и пойдем затовариваться. Торт купим с кремом. Хочешь торт?

– Я хочу все! – захныкала девочка.

...Полтора часа спустя она сидела за ломящимся от еды столом и торопливо хватала куски с тарелок, а бабушка смотрела на нее, смагивая слезы и пододвигая все новые тарелки. Софья Михайловна уже успела принять душ, накраситься и причесаться, и была совсем прежней, разве что глаза не светились, как раньше.

– Верунчик, а я ведь сбежала.

– Да ты что! – Вера с ужасом посмотрела на нее, продолжая вгрызаться в кусок докторской колбасы.

– Да! – чуть хвастливо отозвалась бабушка. – Химиотерапия закончилась, а ту ерунду, какую они мне кололи, можно и в виде таблеток попить. Что я, дура совсем? Не понимаю? Справочников медицинских не читала?... Что ты так смотришь? Может, я еще замуж выйду. У меня, правда, тут, – она похлопала себя по животу, – одни кишки остались, остального нету, но я же рожать не собираюсь!..

Вера вдруг поняла, что все происходящее – очень смешно, и начала хохотать, давась колбасой, хлебом, конфетами и горячим кофе. Она смеялась все сильнее и сильнее, пока не хлынули слезы, а потом еще сильнее.

– Над бабушкой старенькой смеешься? – Софья Михайловна забавно собрала губы в бутончик. – Бабушка глупенькая, да? А тебе лишь бы поржать? – она не выдержала и тоже прыснула. – Но это было все! Как я по коридору на цыпочках, на цыпочках – и вдруг как рванула!..

Но Вера уже не смеялась. Она просто плакала, глядя на бабушку смеющимися глазами.

Аттракцион (рассказ)

Ей отдали дедушкин домик на берегу моря и попросили больше никогда не появляться в городе. Именно из-за этой просьбы в день переезда она расплакалась и долго сидела на крыльце с мокрым платком, глядя, как прибой катает мелкие камешки.

Потом успокоилась. В какой-то степени теперь она жила лучше, чем раньше. Двухэтажный дом из крепкого бруса с окнами на все стороны света, флюгер на крыше, до моря десять шагов, галечный пляж. Огромный детский санаторий рядом, и оттуда прямо в воду ведет бело-снежная мраморная лестница.

Закат раскрасил все в медовые цвета, и она вздохнула с каким-то облегчением. Все к лучшему. После городского лабиринта и тесной комнатки на десятом этаже панельной башни, домик у моря – это почти рай.

Дедушка работал смотрителем аттракциона «Морские брызги» – запускал огромное «чертово колесо» и следил, чтобы ничего не ломалось. А если ломалось, звал механика. Вот и все обязанности. В остальное время он часами сидел у воды и смотрел на горизонт.

Сейчас, после его смерти, колесо ржавело над волнами, отбрасывая на рыжую гальку странную вытянутую тень. За год нового смотрителя так и не нашли. Трудно найти одиночку, который согласится весь год безвылазно сидеть на пустом пляже, бесконечно возиться с железяками и ходить в отпуск зимой.

Она погуляла по пляжу, посидела в кабинке карусели, выкурила сигарету и поднялась в свой новый дом. Первый этаж занимали спальня и душ без горячей воды, наверху была большая кухня с четырьмя окнами – по одному в каждой стене. На кухонном столе, прижатое сахарницей, лежало дедушкино письмо:

«Дорогой дружище!

Меня забирают в больницу, и я боюсь, что не вернусь сюда. Рак, знаешь ли. Впрочем, это неважно.

Что я тебе хочу сказать. Дом хороший, тебе тут понравится. Зимой тепло, газовое отопление, только не забывай убавлять на ночь пламя в колонке. Баллона хватает где-то на неделю, а новый можно получить в белой пристройке у санатория. Скажешь, что ты новый смотритель, тебе газ бесплатно полагается. Не бойся качать права, если будут возникать, они это любят.

Вот. Воду можно нагреть на плите. Зимой проблема, труба идет поверху и по ночам иногда замерзает. Лучше просто подождать, днем она оттаивает. Так что мойся на здоровье.

Магазин есть в санатории, но вообще-то тебя должны бесплатно кормить в столовой.

Зарплата по первым числам в кассе санатория. Инструкцию по карусели найдешь внизу, в верхнем ящике стола. Здесь все просто, главное, не забывай программировать количество циклов. А то я однажды забыл и лег полежать. Через полчаса проснулся. А она все крутится! Слава Богу, у ребятишек головы крепкие.

Ну, атак все ничего. Жить можно. Все вещи забирай себе. Книг, правда, интересных нет. Ну, счастливо, брат!»

Она сложила листок и бережно убрала его в буфет. Внизу, на полу и на кровати, валялись сумки и пакеты. Взяв мобильный телефон, она улеглась прямо в джинсах и тапочках и набрала номер.

– Да?... – ответили через секунду.

– Мама, – она устроилась поудобнее. – Ну, как ты там?

– А-а... – мать чуть помялась. – Это ты. Привет.

– Да, это я, – подтвердила дочь. – Уже ложусь спать. Здесь отлично. Меня никто не спрашивал?

– Спрашивали, – неуверенно ответила мать. – Двое. Я им дала твой телефон. Только знаешь...

– Что?

– Знаешь, Вика... Я хочу сказать, что мы, наверное, не сможем вносить деньги за твой мобильный. Ты сама понимаешь, у тебя... друзья, разговоры, а мы...

– Конечно, конечно, мама! – перебила Вика. – Я устроюсь на дедушкину должность. Тут зарплата. А кормят бесплатно. Так что...

– Ну, хорошо, – вздохнула мать. – Мы уже ложимся здесь. Ты еще что-нибудь хотела спросить?

– Нет, спокойной ночи!

Подумав, она набрала другой номер, но там оказалось занято.

Ей снились грохочущие трамваи на повороте возле дома, жаркие улицы, пыльные скверы. Снился Павел в красной тенниске, загорелый, стройный, на своем балконе. Снился почему-то Василий Федорович, как всегда, нелепый, в галстуке-бабочке и темных очках. Много чего снилось.

Утром были облака и шторм, барометр на стене показывал «бурю». Вика позавтракала бутербродами и чаем, распахнула вещи по полкам шкафа, надела самое сексуальное платье с вырезом и пошла наверх в санаторий.

Ее приняли на работу без малейших колебаний, выдали брезентовую робу с Нептуном на спине, рукавицы и длинную ленту обеденных талонов. Завтрак она уже пропустила, но зашла все-таки в просторную столовую с розовыми колоннами и выпросила стакан какао с кусочком творожной запеканки. Высокий парень за стойкой молочного бара смерил долгим взглядом ее обтянутую шелком тонкую фигурку и улыбнулся:

– Здравствуйте, дорогая!

Она подошла и мило поболтала с ним, кроша ложечкой суховатый творог и поигрывая крошечным перламутровым телефоном. Столовая была уже пуста, мыли пол. Напиток оказался разбавленным.

– Место здесь классное, Викуша! – бармен все посматривал то в глубокий вырез платья, то на телефончик. – Вы в восторге будете! Каждый день купаться, кушать задаром да еще деньги получать! Правда?

– Я потому и приехала, – бодро врала Вика, принимаясь за сливочное мороженое, предложенное им. – Меня дедушка давно звал. Море, говорит, дети, брызги воды в солнечных лучах! А я все никак выбраться не могла.

– Что так?

– Училась в университете.

Парня звали Максимом, он был не женат и скучал среди чужих капризных детей. Вика продиктовала ему номер своего телефона и, довольная, уплыла, покачивая бедрами и встряхивая золотистой гривой. Она знала, что Максим смотрит вслед и капает слюной на стойку.

Шторм поутих, и она рискнула окунуться, но тут же выскочила с поцарапанной лодыжкой: вода крутила острые камешки. Бело-зеленая пена с нитками водорослей взлетала на ступени мраморной лестницы и скатывалась водопадом. Вика пригласила царапину одеколоном, поправила тонкие бретельки яркого купальника и встала на лестнице с телефоном, одновременно набирая номер и прикуривая. У Павла снова было занято.

– С кем же ты все треплешься, гаденыш? – беззлобно спросила она у гудящей трубки и нажала отбой. В общем-то, ей было все равно, с кем он разговаривает. Расстались они плохо, Павел кричал даже какие-то оскорбления, но у Вики хватило ума воткнуть в уши плеер, чтобы сберечь свои нервы.

Телефон в руке запиликал. И новый голос сказал:

– А я сижу в администрации, на третьем этаже, и смотрю на вас в бинокль.

Вика оглянулась на белое здание со спутниковой антенной на крыше и помахала рукой.

– У вас красивый купальник, – заметил голос Максима. – Интересное сочетание: красивая девушка в красивом купальнике.

– Мне и самой нравится, – хмыкнула Вика.

– Не хотите ли отметить приезд? У меня чисто случайно завалилась бутылка шампанского. И конфеты шоколадные есть.

– Так приходите в гости! Но учтите – я только что приехала. Беспорядок и все такое.

– Ой, да это неважно! – Максим явно обрадовался. – Я не привередливый.

Газ еле-еле горел. Вика переоделась в японское кимоно с золотыми драконами, уложила красивой волной волосы и застелила белой скатертью кухонный стол. Гостя она встретила босиком, с тонкой сигаретой в уголке рта и леденцом за щекой. Пропела с порога:

– Приве-ет!

В общем-то, он был простоват и избалован вниманием местных девчонок. Цепь золотую напялил, перстень с печаткой, а рубашку погладить не додумался. Но конфеты принес дорогие, и Вика простила его за неотесанность.

Они сидели у открытого окна и слушали Мирей Матье.

– Здесь зимой бывает страшно одиноко, – рассказывал Максим, глядя, как носятся над мертвой каруселью чайки. – С ума можно сойти. Но теперь, когда вы здесь... – он тронул ее руку, – теперь, мне кажется, все будет по-другому.

– Давай на «ты», что ли, – предложила Вика.

– Давай!

Ей вспомнился Василий Федорович, похожий на отставного циркового факира. В свое время он первым предложил перейти на «ты», но она так и продолжала ему «выкать» – не могла преодолеть семнадцать лет разницы. Чувствовала себя пионеркой, некстати влезшей во взрослые разговоры.

– А ты на кого училась? – Максим придвинулся ближе и протянул ей розовую конфету.

– На зубного врача, – Вика взяла угощение. В общем-то, это не было такой уж неправдой. Первый курс она все-таки закончила. Почти закончила. На экзаменах вышла некрасивая история с преподавателем фармакологии и ее отчислили, не дав оправдаться. Преподу она, правда, отомстила: встретила с его старой слоноподобной женой и торжественно вручила ей пачку фотографий со словами: «Да, вот так мы и зарабатываем себе оценки...» Говорят, скандал у него дома вышел ужасный, просто ураганный, и Вика тихо радовалась, слушая рассказы бывших однокурсников о полосках пластыря на лице «фармаколога» и его глазах побитой собаки. Она сама затащила его в постель, сама на всякий случай сделала снимки, даже вино сама купала. Никто никого насильно не тащил. Но препод-то каков!.. Вместо того, чтобы тихо-мирно поставить человеку тройку, помчался в деканат каяться сразу же, как протрезвел и понял, что случилось. Вот и получил по первое число.

Максим ласково поглаживал ее пальцы, играл тонким браслетом золотых часов:

– О чем задумалась, Викуша?

Она задумалась как раз о том, что в этих часах пора починить секундную стрелку.

– Я думаю, как мне повезло, что я здесь, – мурлыкнула она, – как в рай попала. После города! Боже, до чего хорошо! – она вздохнула полной грудью. – Вот только по родителям скучаю...

Максим сочувственно покивал, а она вдруг с неожиданным злорадством вспомнила мать, толстую, непричесанную, с серой обвисшей кожей на лягушачьем лице, ее утренние зевки полным железных зубов ртом, растяжки на животе и живот этот, многодетный, дряблый, бесформенный... Когда ей в последний раз гладили руки? И гладили ли вообще?

– Мама у меня просто прелесть, – задумчиво сказала девушка. – Мы все ее обожаем. Нас вообще-то трое, у меня два брата младших. Мама не работает, весь дом на ней...

– А кто твой отец? – тихо поинтересовался Максим, не выпуская ее руку.

«Вонючий старый козел», – подумала Вика, вспомнив, как любимый папа после каждого обеда ковыряет в зубах кончиком ножа и презрительно цедит в ее адрес: «Опять вырядилась, как все равно... как шлюха... Шлюха!»

– Папа – охранник в крупной фирме, – максимально теплым голосом сказала она. – Родители у меня простые, но славные. Очень меня поддерживали, пока училась, на ноги поставили...

По правде говоря, на ноги ее ставили совсем другие люди, и было их так много, что некоторые просто забылись.

Шторм снова усилился, блеснула первая молния. Вика вздрогнула от безотчетного страха и вскочила закрыть окна. Максим перехватил ее на полдороге, развернул к себе лицом, рванул ворот кимоно, бормоча: «Вика, Викуша, милая, хорошая...» Она дернулась, вывернулась из его рук, оттолкнула:

– Это что еще? С ума спятил?!

Он уже бормотал извинения, пятился, краснел. Вовсе ему не двадцать семь, врет. Двадцать два, не больше.

– Сопляк, мальчишка, – произнесла Вика, поправляя халат. – Ты чего руки распускаешь? Ну, ладно, ладно, а то сейчас заплачешь. Сядь, я кофе сварю.

Он благодарно уселся. Газ почти совсем не горел, и Вика чертыхнулась.

– Да ведь он кончился! – Максим вскочил так резво, что она вздрогнула. – Где у тебя баллон? Я все устрою, я газовщика знаю! Сиди и жди, я быстро!

Через полчаса он уже приволок тяжелый красный баллон с газом и установил его на место. Сварили кофе. Вика нарезала остатки бисквита. На Максима она поглядывала, как на нашкодившего щенка, и он окончательно скис. Обедать пошли вдвоем, и Вика сразу сморщилась, еще издали заслышав многоголосый детский визг. В столовой было шумно, дети носились и толкались. Один задел стол, и суп плеснул Вике на платье. Максим одним прыжком нагнал парнишку, подтащил его за локоть обратно и заставил извиниться.

– Ты лучшая девушка из всех, кого я знал, – осторожно сказал он, отпустив пацана и салфеткой вытирая Викино платье. – Не сердись на меня?

Вика холодно глянула на него, внутренне ликуя:

– Да нет, что ты.

– Я же вижу, сердись!

Бедный мальчик, ни разу его не отшивали. Не знает, что делать, чтобы получить свое.

– Можно, я тебе позвоню? – совсем убито спросил он, стоило ей встать и двинуться на выход.

– Не знаю, – Вика задумчиво потерла подбородок. – У меня не слишком много на счету. А занимать сейчас у родителей мне бы не хотелось.

– Да ладно, это ерунда, я заплачу... Я внесу тебе, сколько надо! – занервничал парень.

– Посмотрим, – бросила Вика, обходя его, как бочку с фикусом, и мысленно поставила галочку: «Так, ну с мобильником все уладилось...»

До вечера штормило, она лежа читала неинтересный детектив. Кто убийца, ей стало ясно на двадцатой странице. Телефон Павла был все еще занят.

Около девяти мобильник вдруг зазвонил.

– Да? – нежно промурлыкала Вика.

– Привет, малыш! – это был Василий Федорович, и она поморщилась:

– Привет, привет, от старых штиблет. Вам чего?

– Я хотел узнать, как ты. Ты так неожиданно уехала. Не дала мне телефон. Пришлось трясти твоих родителей. Ничего не понимаю.

– Тут и понимать нечего, Василий Федорович. Может человек сменить обстановку? Отдохнуть?

– У тебя странные соседи, – заметил мужчина. – Говорят какие-то злые гадости...

– Что же они говорят?

– Я же сказал, злые гадости. Из-за чего ты уехала? Где ты? Тебе что-нибудь нужно?

– Зря вы не стали сестрой милосердия, – усмехнулась Вика. – У вас бы получилось.

Василий Федорович вздохнул:

– Все бы тебе смеяться... А когда мы встретимся? Я могу к тебе приехать?

– Зачем? – изумилась Вика. Этот Василий Федорович почему-то всегда покупал ей карамельки «Бон Пари» и считал, что так можно завоевать девушку.

– Я хочу тебя видеть, – сказал он. – Я люблю тебя. Мы не виделись тринадцать дней.

– Давайте и еще столько же не будем, – Вика нажала отбой и в очередной раз набрала номер Павла. На этот раз донесся длинный гудок.

– Опять ты, – без всякого приветствия сказал Павел. – Ну, чего тебе от меня надо?

– Должок, – улыбнулась Вика.

– Я тебе ничего не должен! – крикнул он. – Долго ты будешь мне нервы трепать?

– Ну, хочешь, я потреплю нервы твоей беременной красавице?

– Не трожь Марину, – с ненавистью сказал Павел. – Змея ты, змея, черт меня дернул с тобой связаться.

– Не ори.

– Хорошо, хорошо, Вика, давай решим нормально. Ты прекрасно знаешь, что не имеешь права на эту квартиру. Сначала была сделка, а потом свадьба. По закону квартира была куплена мной до брака. Пусть в тот же день, но все-таки до брака.

– А на договоре купли-продажи что, время ставят? – засмеялась Вика. – Как ты докажешь, что было раньше?... Слушай, прекращай душить. Квартира была куплена в день свадьбы, так что она общая, и мы ее поделим, мой милый, хочешь ты того или нет.

– Вика! – в голосе Павла прорывались истерические нотки. – Во-первых, квартира все-таки моя. Деньги дали мои родители. А во-вторых, я тебе дал уже две тысячи долларов, у меня нет больше...

– Так продай квартиру и купи себе что-нибудь попроще, – посоветовала Вика. – Я тебя учить, что ли, должна?! – она повысила голос. – Хочешь, чтобы свиноматка твоя узнала, чем ты ей на питание для беременных зарабатываешь?

– Сука, – спокойно сказал Павел и повесил трубку.

– Козел. С ветвистыми рогами, – пробормотала Вика, откладывая телефон.

Ее вдруг затрясло. Она вспомнила тот вечер, когда, спускаясь по ступенькам магазина, увидела своего молодого мужа: тот крепко держал за локоть мальчишку лет десяти – двенадцати и что-то сурово ему выговаривал, а рядом, у бордюра, ждала длинная иномарка с приоткрытой дверцей. Мальчик кивнул и послушно полез в машину, а Павел сразу отвернулся и убрал что-то в карман джинсов. Движение было почти молниеносным, но Вика успела разглядеть, что это – стодолларовая купюра.

Испугавшись непонятно чего, она торопливо спряталась за табачной палаткой, достала из сумки фотоаппарат и стала наблюдать за мужем. Место было довольно людным и даже бойким, но совершенно никто не обращал внимания на хорошо одетого молодого человека, который тем временем проводил куда-то еще двух подростков и снова спрятал деньги.

– Что это? – спросила Вика, стоило ему войти около полуночи домой. – Ты был на совещании? Тебя шеф вызвал?

– А что? – мрачно пробормотал Павел, разуваясь.

Вика встала с тахты, на которой валялась с журналом, вынула из сумки пачку только что отпечатанных фотоснимков и подошла к мужу:

– Давно ты детьми торгуешь, Павлик?

Если бы она плюнула ему в лицо, эффект был бы слабее. Павел сел на тумбочку в коридоре и уставился на нее овечьим взглядом. Он был напуган. Вика могла все рассказать его родителям. Показать эти фотографии. Впрочем, они бы ей поверили и так, не зря же они дали денег на квартиру, когда узнали, что он женится на ней.

Вика ждала, склонив набок голову. Еще в школьные годы, застукав отца со своей учительницей физкультуры и щелкнув эту сцену дешёвенькой «Сменой», она поняла, как полезно все-таки что-то знать. Почти два года отец был шелковым, щедро давал на мороженое и не смел повысить голос. Все кончилось, когда в порыве нежности Вика подарила ему негативы и отпечатки. Кончилось фазу, просто и страшно. Это навсегда отучило ее быть доброй.

– Что ты хочешь? – тихо спросил Павел, все так же сидя на тумбочке.

– Развода, – твердо сказала Вика.

– Нет! – Павел отшатнулся, сразу подумав о родителях. – Почему? Давай поговорим, обсудим...

Сошлись на твердой сумме в месяц и полном прекращении супружеских отношений. Вика поставила мужу раскладушку в коридоре и зло усмехалась всякий раз, когда тот говорил по телефону с матерью и дрожащим голосом передавал от нее приветы.

Его родители были очень богаты и очень любили невестку. Но через полгода они разбились на машине, оставив Павлу всего десять тысяч долларов – остальное пошло на уплату гигантских долгов, которые они успели наделать при жизни. Квартиру на Остоженке, дачу, два автомобиля – все забрали кредиторы, а жалкое наследство Павел за пару недель профукал.

Вика переехала к родителям, настолько тошно ей было глядеть на мужа. Развод пока отложили. Павел давил на жалость, просил, унижался, а потом вдруг затих, и Вика узнала через знакомых, что у него есть девушка из хорошей семьи, и девушка беременна.

Она позвонила и ехидно поинтересовалась:

– Ну что, сосунок, нашел себе новое вымя? Не вздумай положить трубку. Мы немедленно разводимся и делим квартиру. Тебе ведь надо жениться на своей подруге, что бы ее папа и дальше одалживал тебе свою кредитную карту.

Павел примчался, принес пятьсот долларов, ползал на коленях и умолил-таки ее оформить развод, но имущество пока не делить, иначе Марина не пойдет за него замуж, несмотря на свой стремительно растущий живот.

От воспоминаний ее отвлекла трель мобильного, это был Максим.

– Что делаешь, Викуша?

– Ничего, балдею.

...Она прекрасно понимала, что ситуация с квартирой скользкая, и все зависит от адвоката. Сумеет тот доказать, что сделка состоялась на несколько часов раньше, чем свадьба – и все, закон есть закон. А ведь докажет. Она чувствовала. А потому берегла кассету с пленкой, как зеницу ока.

– Может, увидимся? – робко предложил Максим. – Погода вроде налаживается, пройдемся...

– Ну, давай...

Они прогулялись по кромке прибоя, и все это время Вика смотрела на себя его восторженными глазами, отмечая, что выглядит необычайно привлекательно. На прощание Максим потянулся ее поцеловать, но она, хохотнув, подставила щеку и убежала домой.

Трудно было назвать этот дом «домом» уже хотя бы потому, что в нем не было ванны, горячей воды и телевизора. Но выбирать как-то не приходилось.

На следующее утро явилась жирная тетка от администрации и приказным тоном велела приготовить аттракцион к субботе. Вика растерянно развела руками:

– Погодите, но ремонт же нужен, техник...

– А вы для чего тут сидите? – тетка цепко оглядела ее. – Работать или с парнями обжигаться?

У девушки вспыхнуло лицо:

– Вы как разговариваете?!

– Как надо, так и разговариваю, – тетка усмехнулась. – А понадобится, еще и не так разговаривать буду, – она пошла прочь, но вдруг обернулась и с удовольствием добавила. – Кстати, зарплата будет в сентябре.

– Как в сентябре? – от испуга и удивления Вика выронила сигарету.

– В последних числах, – торжествующе подтвердила тетка и удалилась, виляя огромным задом, обтянутым юбкой в цветочек.

Техника, насквозь пропитого дяденьку, привел Максим после того, как Вика в ужасе примчалась в санаторий. Уже через час карусель со скрежетом заработала.

– На холостом ходу пусть покрутится пару часов, – техник прикрыл загрубевшей ладонью зевок. – С тебя сто, хозяйка.

– В смысле? – Вика оглянулась на Максима.

– И смазать бы надо, чтоб не скрипела, – добавил техник.

Ей как-то не приходило в голову, что платить придется из своего кармана. Деньги, конечно, были, но немного, буквально чуть-чуть.

– Момент, дядя! – Максим с готовностью достал кошелек. – Но только смотри, чтоб совсем не скрипела!..

Привлеченные видом вертящейся карусели, на лестнице собралось несколько детей.

– Тетя, а уже можно кататься, да? – крикнула рослая девчонка в модных коротких джинсах. – А сколько стоит?

– Закрыто пока! Племянница... – отозвалась Вика.

Техник, похожий на большого черного паука, уже карабкался по лесенке в ржавую будку с оторванной дверцей. Вика благодарно взяла Максима за руку:

– Спасибо: ты хороший парень.

– Да ладно, – он сжал ее ладонь. – Мы с тобой всегда договоримся, думаю...

– Слушай, а что это за баба приходила? – она описала ему тетку, и Максим сразу помрачнел:

– Ну, понимаешь... – пробормотал он. – Дочка у нее глаз на меня положила.

– А-а... – Вика сразу потеряла интерес. – Зарплата, говорит, в конце сентября...

– Да тут бывает, задерживают, – Максим еще больше помрачнел. – Зато потом сразу много получишь, за всё лето.

– А сейчас жить на что? – усмехнулась Вика.

– Тебе деньги нужны? – сразу оживился парень, и глаза его странно блеснули. – Могу дать, если надо.

Вика уже отступила:

– Нет, спасибо. Если будет надо, я тебе скажу.

В субботу вокруг дедушкиного домика все пестрело от игрушек и купальников – под жарким солнцем у пронзительно синей воды расположился весь санаторий. От гама у Вики разболелась голова, но рядом крутился Максим, и ей приходилось улыбаться ему из будки, сидя там в белом купальнике и белой же кепке с прозрачным зеленым козырьком. Билеты продавала высохшая, как египетская мумия, молчаливая женщина в белом халате и косынке. Иногда она задирала голову и подолгу рассматривала Вику, как зверушку в клетке. Смотрели на нее и немногочисленные мужчины: врач-диетолог, тренер, спасатель и, конечно, Максим.

«Какая точка, – думала Вика, запуская карусель на очередной круг. – Какие вокруг козлы...» Мысль о том, что все это теперь надолго, прочно засела в мозгу и добавляла головной боли. Захотелось выпить.

С огромным трудом высидев в будке до обеда, Вика слезла и нос к носу столкнулась с «мумией». Та стояла, сунув тощие руки в карманы халата, и молча ждала. Девушка попыталась обойти ее, но та вдруг как-то подалась в сторону и снова загородила путь.

– Вот что, милая, – сказала она, глядя куда-то мимо, – тут у нас детское учреждение, и в голом виде ходить запрещается.

Она говорила без всякой интонации, и Вике стало страшно.

– Но подождите, здесь же пляж... – Она хотела заглянуть «мумии» в глаза, но не получилось, – здесь же загорают...

– Вас сюда, милая, поставили не загорать, а работать. Ра-бо-тать. И не по своей прямой специальности, а смотрителем аттракциона.

– А что, – храбро начала Вика, пытаюсь поймать упавшее сердце. – А что, здесь и по моей специальности работа есть? У детей зубки болят?

«Мумия» вдруг посмотрела ей в глаза:

– Дурой-то не прикидывайся, голубушка, а то здесь не знают, какая у тебя... специальность.

«Откуда? Откуда?» – металось в голове у Вики, но внешне она оставалась совершенно спокойной:

– «Тыкать», уважаемая, вы будете своим внукам. За информацию о форме одежды спасибо. А остальное никого, кроме меня, не касается. Любопытной Варваре, сами знаете...

«Мумия» покачала головой:

– Зря огрызаешься, голубушка, не стоит.

– Всего доброго, – сказала Вика, отпирая дом. – Головку берегите, не перегрейтесь.

И вдруг до нее дошло – мать. Конечно же, ведь звонили они насчет нее в санаторий, договаривались, просили насчет дедушкиного дома... Неужели сказали?... Не только вышвырнули из дома, но сказали этим кумушкам, что она – шлюха. Мать говорила это всем, кто соглашался слушать.

Вика заперла дверь, дошла до кровати и вдруг забилась в истерике, молотя кулаками по плоской слежавшейся подушке. Почему, ну почему – шлюха?...

Да, она знакомилась с мужчинами, брала деньги и подарки, пропадала на чужих квартирах и даже приводила кое-кого домой. Началось это после школы с того случая, когда пропал Генка.

Все было хорошо. Они провели вместе две ночи, и вдруг Генка, не сказав ни слова, исчез. Она искала его по всем телефонам, звонила в больницы и морги, сходила от ужаса с ума. И вдруг столкнулась с ним на остановке возле дома.

– Извини... – он покраснел до корней волос и не знал, куда смотреть, чтобы не наткнуться на ее укоризненный взгляд, – я не мог позвонить... я... вообще...

– Где же ты был? – Вика попыталась взять его за руку, но он испуганно отдернулся.

– Слушай, Викуша... Давай считать, что ничего не было... ладно? Она еще не поверила, лишь переспросила:

– Ничего?

– Познакомься с кем-нибудь другим, – посоветовал, почти попросил Генка, умоляюще сложив руки. – Понимаешь, ну, не чувствую я любви! С тобой надо серьезно, на тебе жениться надо, а я молодой еще... погулять хочу...

– А ты не мог об этом подумать перед тем, как в постель со мной ложиться? – почти спокойно спросила Вика. – Перед тем, а не после?

– О-о, начинается... – пробормотал Генка, закатывая глаза.

Но ничего не началось. Проревев несколько дней, она успокоилась. Этот случай отучил ее влюбляться. Даже думать о любви больше не хотелось. Но почему – шлюха?...

Мысли совсем запутались. Вика села на кровати, нащупала сигареты, закурила, еще всхлипывая. Господи, до чего все надоело.

Ей нравилось собственное тело, нравилось его баловать, покупать красивую одежду, духи, косметику. Оно годилось лишь для того, чтобы обслуживать себя, и ни для чего больше. А кому какое дело до души?

Докурив, Вика встала и, не снимая купальника, полезла под холодный душ. Потом, набросив халат, побрела обедать, скрутив в пучок влажные волосы.

Все было, как всегда. Никто на нее особенно не смотрел, даже «мумия», напялившая цветастый сарафанчик и панаму. Дети визжали и кидались хлебными шариками. Подбежал Максим с полным подносом и белозубой улыбкой.

– О-о, Викуша!

И она как-то оттаяла.

...Страх зашевелился ровно через неделю, в субботу. Она выкурила последнюю сигарету из пачки, полезла в кошелек и покрылась холодными мурашками. За неполных две недели куда-то утекло больше половины денег. Нет, их не украли, они сами как-то потратились, но эта пугающая быстрота заставила Вику без сил опуститься на стул. Вроде не покупала ничего особенного... А сколько всего еще надо!

– Ну что, Павлик, – услышав в трубке голос бывшего мужа, сказала она. – Что надумал?

– Ничего не надумал, – сухо ответил Павел. – И оставь меня в покое, истеричка. Теперь тебе ничего не обломится. Я под следствием. А Марина ушла. Если я узнаю, что ты меня сдала, я...

– Только не пугай! – У Вики неожиданно поднялось и сразу упало настроение. – Никого я не сдавала. Сiju здесь у синего моря, в потолок плюю...

– Ну и сиди! Плюй! – заорал Павел. – И пленку свою дурацкую можешь себе в задницу засунуть!

Вика сразу отключилась и положила телефон на стол. Она терпеть не могла криков. Но сквозь смесь злорадства и сожаления вдруг пророс страх, и она охнула. Где взять теперь эти чертовы деньги?...

Не то чтобы она привыкла жить красиво, но она привыкла просто жить, а не существовать, покупать себе что-нибудь, хорошо питаться и одеваться, ходить в рестораны, да и вообще, деньги она считала редко.

А здесь – талоны на обед и зарплата в сентябре.

По одному из номеров, которые она набрала, злой женский голос визгливо обругал ее, другой оказался недоступен, третий занят, а четвертый она и набирать не стала. Все это не выход.

Оглядевшись, она подошла к шкафу, выбрала самое яркое тоненькое платье и туфли на толстой «платформе». Волосы, уже чуть выгоревшие на солнце, тщательно расчесала и собрала в высокую прическу. Накрасилась, побрызгалась духами. И пошла на автостанцию.

За неделю работы к ней вроде бы привыкли, перестали замечать, но сейчас, идя теплым южным вечером по обсаженной кипарисами аллее, она снова ощущала на себе пристальные, почти липкие взгляды встречающих мужчин, и еще более пристальные, но откровенно враждебные – женщин.

Высокий парень с дочерна загорелым лицом улыбнулся ей и присвистнул, провожая взглядом.

Она знала, куда ехать. Ей нужен был военный санаторий, указатель которого мелькнул в окне такси в первый день здесь. Там полно одиноких скучающих мужчин. И совершенно никто не узнает...

Возвращалась она поздно, в разбавленной фонарями темноте, когда на аллее и возле санатория уже никого не было. Все тело ныло, и жутко хотелось принять душ. Где-то на спине под платьем кололась приставшая веточка, и Вика никак не могла убрать ее.

На крыльце ее дома сидел с сигаретой Максим и смотрел на море.

– Привет, – Вика достала ключ. – Тебе чего?

– Я тебе звонил, – невесело сказал парень, не поднимаясь с места. – У тебя был выключен телефон. Где ты была?

– А что? – она отперла дверь и включила свет. – Ты зайдешь или как? Я устала. Поспала бы сейчас.

– Да нет, ничего... – Максим встал и выбросил окурок. – Тут какие-то мужики тебя спрашивали. С час назад.

– Меня? – удивилась Вика.

– Они прокатиться хотели. Денег предлагали.

– Катание только по утрам. Ты им сказал?

– Сказал, – покивал Максим, – да только они вроде с директрисой договорились. Сердились очень, что тебя нет. Где ты все-таки была?

Вика, не слушая, уже сбросила туфли и ходила по комнате босиком, трогая вещи. Максим вошел, прикрыл дверь и прислонился к стене:

– Вик, что-то случилось?

«Да, случилось, – мысленно ответила она. – Их было четверо, вот что случилось. Но кому какое дело?...»

– Вика, милая, не молчи! – Максим уже забеспокоился. – У тебя такой вид... Ну, расскажи мне!

– Не хочу, – буркнула она, села на кровать, потом легла. – Хочешь, посиди рядом. Только недолго, я спать хочу.

Он послушно сел и стал гладить ее по голове. Она поймала его руку, прижали ее к своему лбу и закрыла глаза:

– Максим, ты меня любишь?

– Не знаю... Возможно. А ты хочешь, чтобы любил?

– Бог знает, что я хочу, – Вика поморщилась от воспоминаний, – так все осточертело. И работать я завтра, наверное, не буду, все равно ни черта не платят.

– А на что ты будешь жить?

– Придумаю.

Неожиданно постучали в дверь, и без приглашения вошли двое мужчин, а вслед за ними бочком, поджав губы, протиснулась толстуха из администрации.

– Вот так! – почти радостно воскликнула она, всплеснув руками. – И Максим уже здесь! Конечно, на ловца и зверь бежит...

Вика приподнялась на подушке. Один из мужчин показался ей знакомым, и она вдруг с изумлением узнала в нем Генку. Впрочем, Генка, если и понял, кто перед ним, вида не подал.

– Вы уж извините, господа, – продолжала тетка, разглядывая мятое Викино платье и поцарапанную коленку, – эта барышня у нас недавно. Совершенно некого было взять... Ну ничего, вот, молодой человек поможет...

– У меня кончился рабочий день, – равнодушно сказала Вика.

– Ну-ка, вставай! – разъярилась толстуха. – Я тебя два раза просить не буду, живо на ноги поставлю.

– Пошла ты, – спокойно отозвалась Вика. – Сама иди карусель крутить, тебе полезно.

– Дрянь! Шлюха! – сразу забилась в истерику администраторша. – Хоть посмотри на себя! Где тебя таскали?! А?!

– Прекратите это, – вдруг сказал Генка и чуть поклонился Вике. – Девушка, пожалуйста, покажите нас, если не сложно. Раз в год на море вырвались, всего на один день... Ну, пожалуйста, а?

Вика села на кровати.

– Ладно. Правда, я тут больше не работаю. Но, раз вы просите...

Тетка снова собралась открыть рот, но Геннадий предостерегающе поднял руку:

– Идите и садитесь, я сейчас.

Максим хотел остаться, но Вика буквально вытолкала его и запрела дверь.

– Зачем ты приехал? – спросила она.

– В море искупаться, – ответил Генка, – и тебя повидать, если получится. Вика, это все правда?

– Что – все? – окрысилась Вика. – Ты знаешь, что.

– Да. Все правда. Ты это хотел услышать?

Геннадий походил по комнате:

– Я могу сделать что-то, чтобы это прекратилось?

– Спасибо, ты уже сделал все, что мог, – Вика закурила и уселась за столик, – теперь сама жизнь все делает. Меня выгнали из дома, потому что на меня все показывали пальцами. И мало того, что выгнали, так еще и тут обо мне растрепали. И теперь этот славный мальчик Максим ждет, когда ему обломится, как остальным. И ему обязательно обломится, когда мне будут нужны деньги. Радуйся – ты единственный получил это бесплатно.

– Вика!

– Что? Скажешь, нет? – она улыбнулась. – Чего ты теперь хочешь? Как вы мне все надоели... Ладно, пошли кататься.

Они вышли в холодный вечер, и Генка молча зашагал к кабинке. – Эй! – позвала Вика. – А ты не боишься, что я просто не остановлю эту карусель?

– Не боюсь, – Генка пожал плечами. – Нисколько.

– Почему же?

– Потому что ты хороший человек.

Она запнулась на полуслове и так и полезла в будку, ошарашенная.

Час спустя, когда берег опустел, она тронула главный рубильник, чуть качнула его на себя, рассматривая огоньки санатория, задумалась. Можно включить, запрыгнуть в кабинку и крутиться, крутиться до тех пор, пока не потеряешь сознание, а потом еще несколько часов. Красивая, радостная какая-то смерть...

Запиликал телефон. Это был Василий Федорович:

– Малыш! Извини, я тебя не разбудил?

– Что это у вас с голосом? – спросила Вика.

– Да так, – он чуть кашлянул, – нездоровится. Малыш, ты главное скажи: у тебя все хорошо, миленький? Я, может быть, в больницу лягу...

– Василий Федорович! – она вдруг испугалась. – А что у вас?

– Ерунда! Полная ерунда! Простое обследование.

– А болит что?!

– Да кашляю просто... Малыш, да ты не пугайся, что ты так...

Вика облизнула губы:

– Василий Федорович, когда вас кладут?

– Завтра, наверное...

Она вспомнила его галстук-бабочку, шляпу, смешные старомодные ботинки и подумала о том, что это – единственный человек, уверенный в ее любви. Она вспомнила букет гладиолусов, который он принес на ее двадцатипятилетие. Коробочку конфет «Рафаэлло», открытку с красным сердечком.

– Я тебя люблю, малыш, – он снова закашлялся, – жаль, что ты далеко.

– Я близко, – сказал Вика, – я с вами. Утром я буду. Самое позднее – днем.

Он вздохнул обрадованно, а она, сразу нажав отбой, на секунду прижала телефон к груди и изо всех сил дернула рубильник. Карусель завертелась.

Екатерина Сими́на

Сими́на Екатерина Федоровна родилась в Ижевске, где по окончании школы и филологического факультета Удмуртского Государственного университета имени 50-летия СССР работала учителем в школе. В настоящее время живет в Москве, занимаясь преподавательской деятельностью...

Впервые опубликовалась в 2001-м году в журнале «Московский вестник» с циклом рассказов, печаталась в «Литературной газете» (2002 год, рассказ «Утром все забудется»).

Москва, помойка (рассказ)

Татьяне Ярыгиной....

Подойдя к огромному мусорному контейнеру, стоящему на задворках нашего дома, я увидела, что в нем копается, забравшись по приставленным друг на друга ящикам, какая-то женщина. Стоя ко мне спиной, она старательно рылась в хламе и отбросах. Я обычно не выбрасываю пустые бутылки из-под минералки и пива, которым приноровилась мыть голову, а складываю их в целлофановый мешок, который потом выставлю возле помойки или отдаю какому-нибудь собирателю посуды. Не видя лица женщины, не зная ее возраста и затрудняясь, как к ней обратиться, окликаю:

– Дама! Дама!

Она, не прореагировавшая на мой первый оклик, при втором замерла в наклоне, затем медленно распрямилась и повернула ко мне лицо, на котором застыли настороженность и страх.

– Дама, вы здесь бутылки собираете?

Женщина молчала, но к страху и настороженности добавилось еще и недоумение. Она, видимо, промышляла не на своей территории и испугалась, что застигнута на месте хозяйкой участка. Глядя на меня, она не могла понять, как ей себя вести и что отвечать.

– Да нет, ничего я здесь не собираю... Я тут кое-что выронила, потеряла. И вот ищу просто. Свое ищу.

– Может, вы возьмете у меня бутылки? Если минуты две еще здесь пробудете, я вынесу.

– Конечно, конечно! – она суетливо стала пробираться по проваливающемуся под ногами мусору к краю, чтобы выбраться.

Я, честно говоря, опасалась, что она пойдет со мной, и мне неловко будет оставить ее у подъезда, придется пойти с ней до квартиры:

– Не торопитесь, сейчас прямо сюда принесу.

Почти бегом, чтобы меня не догнала моя собеседница, направляюсь к дому.

Женщина, наверное, заметила, куда я ушла, и когда я вышла из подъезда, она стояла около и очень обрадовалась, увидев меня.

– Вот! – протянула ей пакет.

– Благодарю вас! – Она взяла и замялась.

Я рассмотрела ее: грязная, оборванная, с заплывшим лицом, она, однако, позаботилась о своей внешности: накрашенные морковной помадой губы и подведенные брови.

– Сразу видно, что вы в людях разбираетесь, – ей явно хотелось поговорить, и она, стоя в своем рубище, держа рваную сумку, набитую чем-то, и мой пакет с пустой посудой, стараясь соблюдать чувство собственного достоинства, продолжала:

– Я ведь медсестрой работала, так меня все больные уважали, по имени-отчеству «Татьяна Ермолаевна» обращались. Когда это было... Вот как Мишка Горбач, Райкин подкаблучник, с перестройкой своей нагрянули, то, спасайся, кто может, от этой переделки, в которую он нас загнал. Я за мужем из Москвы в Баку уехала, не женаты еще были, невестой отправилась. А он – молодой инженер, послали его. В горячие-то цеха не больно местные шли. Поженились, и сынок через год родился. Квартиру дали. Маленькая, но своя. Закрепляли жильем специалистов, чтобы не уезжали обратно. Чего хорошего в неродном краю да в горячем цеху? А тут – квартира! В Москву с ребенком и ехать некуда: мои мама с папой да братишка в комнате на общей кухне; у мужа тоже в двух комнатах и отец с матерью, и бабушка, и брат. Да и меня там не то, что не любили, но как бы ниже ставили, чем сына: у меня только училище, а у него – институт в дипломе. Переберись мы к ним, так любую нашу размолвку они бы моей малой

образованностью объясняли. В гости и мы к ним, и они к нам часто бывали, и все хорошо. Но вот чуть у нас спор какой, даже чем ребенка кормить, мне мать его сразу: «Таня, Коля образованней тебя, он дипломированный специалист, он в этом деле лучше понимает». Моя собеседница хрипло смеется:

– Инженер горячего цеха больше медсестры понимает, как дитя кормить, специалист... Так что жили там, где квартиру дали. Задерживаю Вас? – спохватилась женщина, которой, похоже, хочется выговориться, оправдать свое нынешнее положение. Мне и впрямь было не до нее, но неловко прерывать такой вот разговор:

– Нет, нет, не задерживаете!

Женщина открыла мой пакет, увидела содержимое, обрадовалась.

– Да ведь тут рублей на семь бутылок! – Она смотрит на меня, и радостное выражение лица меняется на смущенное, ее что-то волнует. – Сами бы пошли да сдали, тут прямо за углом принимают, и идти-то столько же, что и до мусорки, честное слово. Неловко, может, вам посуду сдавать? Так я сбегая. Вы постойте! Два рубля себе возьму, пять вам принесу, а? Постойте, я быстро, – она загорелась идеей поделиться со мной вырубкой от моих бутылок.

– Что вы, не нужно!

– Ну, смотрите... А то мне неудобно даже. Вы такая милая женщина, а я будто вас обманываю, такое у меня чувство. Тут приемка недалеко. Шуба у вас красивая. Я тоже в мутоне хаживала, и на моих плечиках мех красовался, было время. Да-а... Было время, теперь другое. Я вот будто и не живу. Как будто уснула и страшный сон вижу. Да все просыпу нет. Нет и нет... Да давайте я сбегая, принесу вам денег-то! Не хотите пять рублей, поровну поделим: вам 3,50 и мне 3,50. А то еще тара у приемщика кончится. Уж не сдашь тогда здесь, далеко идти придется. У меня и свои три найденные есть.

– Хорошо, идите, я подожду.

– Обязательно подождите. Я сумку свою возле вас оставляю, вы ее постерегите, – женщина опять смеется, – и на такое добро нынче охотники имеются. Она заговорщицки понижает голос. – Я мужу ботинки в вашем контейнере отыскала, новые почти. Порадую, с подарком нагряну. Он приболел. Все время болеет. Горячий цех здоровья не прибавляет. Он хворый, а я ему – подарок, как маленькому. Мне баловать некого, кроме него. И ему некого, кроме меня. Он мне то цветочков нарвет, то листьев кленовых по осени... такой красивый букет принес, залюбуешься! А как он мне цветочки первый раз принес, я вдруг себя опять женщиной почувствовала. Помаду купила. Хотя и дошли мы уж до черты, а удерживать себя у нее надо, не переступать. Люди мы ведь все-таки! Ну, ждите, я мигом, – Татьяна Ермолаевна засемила, смешно размахивая свободной рукой.

Не прошло и пяти минут, как моя новая знакомая снова появилась.

– Вот ваши 3,50... Под расчет!

– Не нужно. Пойдемте ко мне, попьем чаю. Женщина стояла остолбенело и смотрела на меня, думая, вероятно, что ослышалась.

– Пойдемте, у меня есть немного времени, вы согреетесь, а потом пойдете.

Она оглядывает себя, потом с виноватой улыбкой смотрит на меня:

– Сама-то я мытая, а вот одежда давно не стирана, и руки испачкала уж за сегодня.

– Ничего, ничего, пойдемте. Руки у меня помоеете, – я открыла дверь подъезда и пропустила ее вперед. Она медленно, опустив голову, заходит, оборачивается:

– Дома-то вас не заругают за такую гостью?

– Не заругают, не стесняйтесь, я дома одна.

Пока моя новая знакомая мылась в душе (я ей предложила), я накрыла в гостиной стол для чаепития, достав гостевой сервиз, красиво свернув салфетки.

– Ой, как в кино! – раскрасневшаяся гостя выходит из ванной, с детской восхищенностью смотрит на стол. – Как королеву принимаете! Зачем вы хлопочете? Давно я, честно скажу,

чаю за столом не пила... В своей квартире, в Баку когда жили, почти каждое воскресенье к чаю пекла что-нибудь, как и у мамы было заведено: то печенье, то пирожки, а то и торт. Если сама в доме хозяйка, то как чаю захочешь, так садись да пей. А коль без дома живешь, то и не знаешь, где и когда горячего хлебнешь. Нету у меня дома давно и не будет уж никогда! В гробок и то в казенный положат (на глазах собеседницы появляются слезы). Да если еще в гроб положат... А то, говорят, нас бездомных, в общую яму закапывают – вот и вся честь. И там вповалку лежи. Пока живший хоть как-то волен: встал да пошел, отдохнул от тесноты. А там придавят сверху, и снизу, и сбоку – не рыпнешься: лежи, как уложили, да помалкивай! Да-а... Думала с сынком рядом лягу, придет срок. Место в оградке для нас с мужем было... А сейчас и армию перестроили, вон, говорят, ужас, что там творится. Боже сохрани сына потерять, да еще и забыту быть. О нас не забывали. До последних времен, как началось все это, писали из части. Ну, а начался этот конец жизни-то, так и не то что других – себя люди позабывали.

Я как раз перед пенсией была, муж на пенсии по горячему стажу, но работал, просили его, специалист редкий. А тут и завод встал, и пенсию не платят, и меня из больницы поперли. «Убирайтесь в свою Россию, занимаете наши места, хватит, попили нашей крови!» Это мы-то крови попили? Муж из цеха своего не вылезал, я на полторы ставки в больнице, не хватало персонала. Хирургической сестрой была, а перед пенсией в процедурном работала, так все ко мне уколы ходили делать. Внутривенные никто лучше меня не ставил: рука твердая, глаз острый, сердце к больным лежало. И не то, что весь дом, чуть не весь район ко мне и домой на уколы ходил и к себе звал. Я – без отказа... Бывало, устану, сил никаких нет до стула подняться, а отказать не могу: думала, решат еще про русских, что в помощи не спорые. Денег не брала. Да и не предлагал никто. Так, помидорок парочку или рыбку дадут, и на том спасибо! И вот – крови у них, вишь, попили, убирайтесь... Никогда не узнаешь, что у них на уме. Говорит, улыбается, «сестра», «дорогая», и вдруг – раз! Не угадаешь, чего и дождешься за улыбкой да после улыбки ихней.

Я пошла на кухню и принесла солонку, подумав, что надо досолить салат. Увидев ее, моя гостыя ойкнула, потом уголки ее губ задрожали:

– Солонка-то такая точно, как у нас дома была! Это ведь набор такой: перечница еще и для горчицы, да? Надо же, солонку свою встретила... Нам свекровь в подарок на обзаведение привезла. Обзаводились, было время. Обзаводились, планы на жизнь строили. А сейчас один план – дожить бы поскорей до смерти. Ну и сейчас, пока живы, обзаводимся: где клеенку подберешь, отмоешь, где ложку отроешь. Ваза у нас даже есть, край отбитый, а так – очень красивая ваза! В нее и ставлю цветочки, если муж приносит. Вазе что? Главное, чтобы красивая была и воду держала. Ну, а край отбитый – что за беда? Воду до краев в вазу и не наливают, это же не рюмка. Я отколотую сторону от глаз в сторону ставлю. Ну и не видно, красоты не портит. На Новый год веточки еловые туда поставили – вот и у нас елки, вот и мы с праздником. Как народ на улицу вышел после курантов, как стали салюты пускать, я своего потащила к общему веселью. Он стеснялся сначала: «Да нет, не пойду... Там все наряженные, а мы что?» А я ему: «Они наряженные, а мы – ряженные. Будто мы понарошку в лохмотьях, маскарад, вроде». Ничего, вышли, от общего веселья и у нас улыбки. Молодежь какая-то кричит: «Айда, бабуля, дедуля, выпейте с нами!» Да и шампанское нам наливают! Ни капельки не вру: почти до краев пластмассовые стаканчики налили, по конфетке дали закусить... Мой прослезился, что нас не отогнали от праздника, а пригласили вместе радоваться... Подумать только, солонка ну точь-в-точь как у нас была! А от дома ничего, ни одной вещицы не осталось. Так мы из Баку этого выбирались, так горемычно до Москвы добирались – не передать! С двумя сумочками в бег пустились, и те по дороге отняли. А там фотографии, сыночек на них. Не уберегли! Ладно, сообразила я, что у мужнина брата должны быть, посылали мы ему. Две фотографии отыскались. Не спохватились вовремя, а как спохватились, то размытую бумагу

только и спасли. А одна у меня в кармане отлежалась, цела. Женщина достает из-за пазухи фотографию, завернутую в целлофановый пакет.

– Вот... Глядите! Вся семья. – Она гордо протягивает карточку. На ней трое счастливых людей: очень красивая Татьяна Ермолаевна, похожий на актера Столярова мужчина и хорошенький мальчик лет пяти в бескозырке... Все трое улыбаются.

– Вот тоже была и молодая, и красивая, и сынок еще при мне. Сейчас нет сынка! И ни здоровья, ни красоты... Я, вроде, как я. А ничего от меня и нет, название одно только. Так вот в жизни бывает. У самой деточки-то есть?

– Нету.

– Молодая еще, конечно... Родишь еще! Дане одного рожай. У нас вот был один – нарадоваться не могли. А не стало – наплакаться не можем. Все простить себе не могу, что гитару ему не купили, как он просил. Мечтал он о гитаре. Думали: будет с гитарой своей по подворотням бренькать, какая компания его там подберет? От беды берегли. Не купили. А он, может быть, и не по подворотням бы, а дома играл. Да через гитару в своей короткой жизни больше бы радости имел. А вот, видишь, родители лишили его радости, не дали мечте сбыться. Очень жалею об этом. Больно тоскливо оставаться одним на старости лет. Когда сыночка не стало, говорю как-то своему, мол, не старые еще, давай родим. Он после раздумья мне: «Нет, Танюша, родить-то родим, а на ноги поставить уже не поставим. В цеху своем здоровье потерял, нет надежды на долгие лета. Вот и получится: ребенок нас по молодости своей обиходить не сумеет, а мы его по старости нашей не обиходим». Ну а будь у нас двое деток, к примеру, один бы и остался. Мы на свалке когда обитали, так те, у кого дети при них, королями жили. Они же шустрые, дети-то, из-под носа у тебя утащат, если что присмотрел. Замахнешься иногда на него, а его и след простыл, да чем-нибудь в тебя еще кинет! Глаз у них молодой, в голову попадет, в другой раз не пойдешь с ним воевать. Я тут стояла у ларьков, дожидалась, когда мужики пиво допьют. И вот парень один поворачивается бутылку отдать, я и обомлела – вылитый сынок мой, как в отпуск из армии приезжал: молодой, но возмужалый уж. Стою, рот раскрыла... Он, наверное, подумал: чего уставилась на него, дура старая? Я бутылку беру и еле говорю: «Спасибо, сынок!» А ему, поди, неприятно, что бомжиха его сынком называет. Отошла, встала да издалека на него все смотрю. Друзья его заметили, смеются, ему чего-то говорят. Он обернулся да на меня уж сердито глянул. А я глаз оторвать не могу: вот сынок-то мой так же бы стоял с товарищами и пивка бы после работы выпил, почему не выпить после работы?

– Может, вы тоже пива выпьете?

– Ой, нет, спасибо! Разве что за компанию? Сами-то будете? – Нет, я не пью.

– А чего тогда держите, если не пьете?

– Да я голову им мою.

– Пивом? Голову? – изумляется собеседница. – Дорогое мытье! Ну да коли купил на свои деньги, так и делай с ним, что хочешь: кто в себя, а кто и на себя льет. Кому как нравится. Я в прежней жизни тоже совсем не пила. Хоть и при спирте всегда на работе, но никакого интереса к выпивке не было. А новая жизнь началась, так, честно скажу, выпиваю иногда. Да не выпиваю даже, а допиваю, если кто в бутылке пиво оставит. Оно сытное, голод тупит. Сытому и на морозе не так зябко. Ну, а если сами не будете, то и я не буду. И без того и тепло, и сытно. Сейчас вот хожу к ларькам, выглядываю парня того. Может, опять увижу... Или работает здесь неподалеку, или случайно шел да остановился. Все увидеть надеюсь. Да-а... Знаете, если бы не мужа брат, совсем бы беда. Дай, Бог, ему здоровья. У меня тоже брат есть. Уехал Ташкент после землетрясения восстанавливать, женился, остался. И тоже потерялись мы с ним в перестройку эту. Так все перестроили, что, если и уцелел кто живым, не отыщешь никого. Писала ему, писала... Ни ответа, ни привета. А сейчас и меня не разыщешь никак. Мне написать некуда. Нигде я не учтенная. Москва, помойка, Татьяне Ермолаевне Ярыгиной. Вот тебе и адрес...

А то, что я Татьяна Ермолаевна Ярыгина, даже подтвердить нечем. – Собеседница понижает голос. – Я без всяких документов живу. Ни у меня, ни у мужа и бумажки никакой нету о наших личностях... Отобрали. Из Баку как бежали, денег на билет не было. Проводнику ложки да вилки серебряные отдали, на черный день берегли. Он нас на третьей полке поместил с двумя нашими сумками – все, что за тридцать лет нажили, повезли в этих сумках. На границе заходят ихние в форме. Документы у нас взяли на проверку, ушли. Мы ждем... Нет и нет! Мы к проводнику. Он – не знаю ничего! Мы по вагонам искать – нету того, кто брал, исчез. И что думаете? Поезд трогается, ход набирает, а те, что с документами нашими, как в воду канули. Проводник нам: «Без документов не повезу. Ни билетов у вас, ни бумаг». Стоп-кран сорвал, дай выпихнули нас. Сумки наши отобрали. Не поверите: стоим без денег, без документов, что на нас надето, то и наше! И уж и от своих, и от них надо таиться, как преступники какие. До Москвы, до брата мужниного, где пешком, где бегом, где подсадит кто – Христа ради добирались. И подработать нигде нет никакой возможности: работы людям самим не хватает, а денег тем более.

Пока добрались, уж холод. Мы во что попало одеты, как французы под Москвой, честное слово! Брат приютил. До тепла у него жили, но приютить-то приютил, а навсегда поселиться мы у него не можем, там своя семья: он с женой да теща, да сын с невесткой, да двое внуков, а комнат всего три. Мы старались не мешать, уйдем чуть свет, придем поздно, но все равно обузой себя чувствовали. И с работой у нас никак не получается, и пенсию не оформишь без документов. Сунулись их восстанавливать. Брат с нами пошел в паспортный стол. Он подполковник в отставке, форму надел для солидности. Кто мы такие, откуда прибыли, как бумаг лишились – все подробно рассказали. Нам говорят, ждите, мол, ответа, запрос пошлем. А пока перебиваемся работой, где можем. Муж то мостовую мел, то сторожил в магазинах. Денег, правда, не давали, а так – из продуктов к продаже негодных что-нибудь... Я бы могла медсестрой в больницу или детсад. Но туда без паспорта кто же возьмет? Ходила уколы делала по квартирам. И тоже Христа ради делаешь: у кого деньги есть, ко мне не обратится, а кто ко мне обращается, так будь у меня деньги – сама бы им на бедность подала: старушечки больные да инвалиды беспомощные. Пошла было торговать на рынок, а там одни земляки бывшие. Как мне на них после пережитого смотреть? Думала, стерплюсь. Но хозяин и гнилье заставляет подсовывать, и весы подкрученные, фальшивые. Не могу я людей обманывать! Выгнали меня... И Слава Богу! Денег там тоже почти не платили, а грехов бы накопила. Ни к чему мне под старость лет обману учиться...

Вот как-то лежим с мужем ночью, не спим (в комнате тещиной были устроены, на полу спали), слышим, жена брата его ругает, что конца-краю нашему поселению нет. Он ей о том, что документы нам надо справить, статус беженцев, может, получим, время требуется. А она ворчит, что умрет скорее, чем этого дождется. Ну мы с Колей и решили на другой день подыскать себе местечко. А уж знали, где народ бездомный обустраивается. Тепло настало, все полегче. Шалашик соорудили да перебрались в него, чтобы не вносить раздор в семью брата. Сказали ему, мол, нашли местечко себе хорошее. Только, мол, будем заходить интересоваться, как с документами дела обстоят. Как-то приходим, а брат и сообщает, что муж мой в розыске за убийство и разбой. С документами его кто-то разбойничал, что ли? И приходили уже к брату с поисками (мы ведь у него официально объявились). И так все обставлено, что муж убил, ограбил, потому и сбежали мы из Баку. Ну, мы и вправду бежать от брата: докажешь разве кому, что мы невинные? Поди, и по моим бумагам такие дела делались. Добрые люди, что ли, у нас их отняли? Те месяцы, что до Москвы добирались, мы же все крадучись... В кино вон показывают допросы: где были такого-то числа во столько-то? А мы счет дням потеряли, где и когда были. И подтвердить некому нашу невинность, что мы в это время за кусок хлеба огород копали или через лес напрямки пробирались, а не душегубствовали. Так что надежды последней лишишь документы справить, пенсию оформить, угол какой-нибудь беженский получить.

Вот вам убийцы и грабители! Нас самих ограбили да чуть не убили. В Баку как все завертелось, перебивались мы кое-как, думали, образуется все: там же могила сына, как бросишь? Да и к кому ехать? А отношение уже было – лишний раз на улицу не высунешься! И соседи, главное, не то что помочь, а как с цепи сорвались. Однажды ночью спим с мужем на балконе, жарко. Вдруг слышим страшный крик. Петр Семенович, еще один русский у нас на пятом этаже жил, старик, ногу на производстве оторвало: «Ироды окайнные, чё делаете, ироды?!» Потом: а-а!!! И шмяк!.. Мимо балкона что-то пролетело и об асфальт. Я вскочила, вниз смотрю: на асфальте что-то лежит, а с балкона Петра Семеновича (он один жил) три головы свесились, тоже смотрят. Кинулась к телефону, в милицию звоню. Они по-русски говорить отказываются. Я по-азербайджански давно выучилась, но не чистый, конечно, разговор. А со мной все равно говорить не стали. Только утром приехала милиция. Ей соседи сообщают, старик, мол, из ума выжил, сам и выбросился. Дверь не вскрыта, никто, мол, к нему не входил. Я вышла и объясняю, что так и так: и кричал, и головы с балкона свешивались, и из подъезда потом никто не выбегал и по подъезду не топали, стало быть, свои, соседи, и скинули, своим и открыл. Как на меня накинудись: «Клеветники, сколько лет нашу кровь пили, теперь вот гадости говорите!» А квартиру убитого вскоре заняли соседи, у которых все документы на нее оказались доверительные.

Чего бы Петр Семенович стал им квартиру свою отдавать? У него племянники в Рязани жили, собирались его забирать, да не успели. Ужас нас обуял, что и с нами чего-нибудь такое же сотворят! Мы, правда, на втором этаже, не расшибемся, но что-нибудь все равно сделают. Муж, когда уходил, наказывал даже соседям не открывать. Как-то звонят, смотрю в глазок, там Фатима, соседка, в руках два шашлыка держит. Спрашиваю, чего нужно. Отвечает, что шашлыки в благодарность принесла. Я ей уколы накануне делала, прописали, я три недели и колола. Открыла. Она заходит, а дверь прикрывает только. Говорю, мол, чего дверь не закрываешь? А она: на минуту, мол, пойду к себе сейчас. Вдруг дверь распахивается, и ее муж с братом ее врываются. У одного нож в руке... А у меня крестик на цепочке и кольцо обручальное. Цепочку сорвали, руку крутят, кольцо стаскивают. Оно не снимается. Они грозят – палец отрежем. Затащили в ванную, намылили руку, стянули кольцо, чуть не оторвали палец. А Фатима говорит: «Давай запонки золотые, которые сыну покупала. Они у тебя, я знаю». Бог ты мой!.. Как сын в армии был, мы ему запонки купили на возвращение, на свадьбу. Похвастала я тогда перед соседкой. Сколько лет прошло, а она, оказывается, помнит. Хранила я их как память. «Нету, – говорю, – продали давно». Так перерыли все, в банке с мукой и нашли. Муку на пол высыпали, а там и запонки... Мало того – еще требуют переписать на них квартиру. А это же верная смерть! Как только они этой бумагой завладеют – сразу и убьют! Я им, что без мужа недействительно будет, муж – квартиросъемщик. Они по-своему между собой совещаются, что надо мужа подождать, потом все и обделать. А пока следить, чтобы я никуда не делась. Ушли... Кинулась я звонить подружке из больницы. Она у базара жила, а мой муж на базаре и промышлял: кому подметет, кому поднесет, кому починит. Попросила, чтобы позвонил он мне, а домой не шел. Сама стала сумки собирать. Документы, фотографии, одежду кое-какую, хорошую обменяли давно на продукты. И еще серебро было дареное, о нем не знал никто, на балконе хранили, вот и уцелело.

Звонит муж от той подружки, велю ему у нее оставаться. Ее попросила к моему дому с обратной стороны подойти, не со стороны подъезда. Спустила на простынях свои сумки, она их взяла, унесла. А я налегке из квартиры выхожу. Фатима, видимо, у глазка дежурила: дверь тоже открывает, проход мне загораживает, не пропускает. Я ей говорю, что позвали ребенку уколы делать, в одном платишке иду, ни документов, ни денег, куда я такая убегу? А, если что с ребенком тем случится, тебе, мол, от его родных не поздоровится. Обыскала меня, даже трусы ощупала, отпустила. Переночевали мы с мужем у подружки, на другой день – на поезд. Отдали проводнику ложки – вилки наши, поехали. Тридцать лет отработали вдвоем, а все нажитое –

две сумки, да и те не отстояли. Такие вот мы кровопийцы! Да, знаете, вам скажу, – Татьяна Ермолаевна хитро улыбается, словно вспоминая о чем-то хорошем, переходит на шепот. – Фатиму-то я здесь в Москве встретила. Встретила и посчиталась с ней немножко...

Ходила я, работу искала: в магазинах, палатках спрашивала, не нужно ли помыть, подмести... И вот в магазине одна продавщица, немолодая уже, говорит, чтобы я здесь не искала работы: хозяйка злая, за все штрафует, кричит, обзывается. Отработаешь, а на кусок хлеба даже не получишь. Разговорились... Оказывается, хозяйка эта тоже из Баку, Рузана, беженка. Квартуру получила по статусу своему, подъемные. Да, видимо, хорошо их поднимают, этих беженцев: и магазин купила, и дачу, и машину. И вся родня ее в Москве так же хорошо устроена. Они, получается, все поднятые за какие-то заслуги да наши деньги, а мы все опущенные неизвестно за что, на своей земле живучи. Да вдруг встрепенулась, мол, говорить больше нельзя, хозяйка приехала... Смотрю, а это – Фатима собственной персоной. Важная такая. Я ей: «Здорово, Фатима!» Она аж подскочила, с лица спала поначалу. А потом мне: «Я вас не знаю, никакая я не Фатима». Вон оно как!.. Азербайджанка из Баку – беженка в Москве. От кого бежала? Не от нас ли с мужем? Ограбили, так и знай, квартиру нашу прибрали, а оказалась беженка Рузана. Чудеса! В кабинете своем она скрылась. Я вышла, спряталась и жду, когда она опять появится. Смотрю, брат ее на машине подъехал. Вызвала, видимо, не знала, как ей быть. Ушла я... Потом у продавщицы этой поболее выведала. Мол, армянкой из Баку представляется. Ну и являюсь к ней в кабинет. «Что, – спрашиваю, – в христианство обратилась, в Рузану крестилась?» Она мне нагло так: «Ничего не докажешь, у меня все документы справленные. Кто тебе поверит, оборванка? И мужа, и тебя приходили, искали. Так что, если вы объявитесь, – вас сразу в тюрьму. Я в Москве больше прав имею, чем ты». Вот так! Верно, – говорю, – да и ушла... О чем с ней разговаривать? Рассказала я у себя на свалке об этом. А там много таких, как мы, горе мыкают: кто из Казахстана, кто из Армении, кто из Грузии. Запаслись мы бензином (каюсь, из бензобаков в машинах ночью сливали), пошли к тому магазину да и подпалили его... Моя собеседница смеется. Дочиста сгорел! Потом, говорят, даже по телевизору об этом говорили. Догадалась, конечно, Фатима, чьими это руками. А что она сделает? Ей совсем не нужно, чтобы докопались, кто да за что... Да здесь и убить меня не такая пара пустяков, как в Баку.

Зазвонил телефон, я пошла разговаривать, а когда вернулась, моя гостья уже стояла одетая в коридоре. Вся посуда была вымыта...

– Посидите еще, куда вы торопитесь?

– Все, спасибо! Пора и честь знать. И так много у вас времени отняла.

– Да посидите!

– Нет, муж больной лежит... Надо и покормить, и обогреть. Сама и в сыте и в тепле, а он в холоде да голоде там. У нас сейчас с ним на двоих огромный дом. Как баре живем! Нашли заброшенный дом, все накрепко заколочено. А нам парни, что под землей лезут...

– Диггеры?

– Не знаю, может, и дриггеры, но только ход указали. Тайком лазим... И хорошо! Другие не знают, а то бы понабились, опять шум да драки, опять милиция бы нас выперла. А так одни мы. Выложили костровище кирпичом, обогреваемся...

Я собрала со стола гостинцы, взяла солонку, положила все в пакет и подала своей гостье.

– Спасибо, не нужно! Хотя нет, пожалуй, возьму... Побалую больного. А солонку поставлю к нам на ящик – вот и будто мы дома, и солонка наша на столе. Спаси вас, Господи! Это мне вас Бог послал. Я третьего дня в церкви была, свечку сынку ставила, с батюшкой разговаривала. Он мне: «За грехи наши и наказание нам». Да не столько у меня грехов, чтобы так страдать! Посты, конечно, не соблюдала. Зато сейчас вот одни посты, все время пост да голодание. Говорят, голодом лечат... Не верю я! Мы вон с мужем последние годы все голодом да полуголодом, а оба больные, хворь за хворью. Бывает, и оскоромишься объедочком мяс-

ным, да не часто. Голод не тетка, выбирать не приходится: рыбку бы выбросили, ну и рыбкой попиталась бы и пост бы соблюдала. А так, что найдешь, то и съешь, хоть пост, хоть не пост. Молитвенник мне батюшка дал. Читала молитвы все три дня. И вот вас у мусорки встретила. А где мне еще хорошего человека встретить? Я все у мусорки да на мусорке! Но Бог повсюду своих посланцев имеет... Вы не смейтесь! Вы и сами не знаете, что мне вас Бог послал. Нам и знать не велено, как нами Господь распорядится. И вы не бойтесь, никогда я вас ничем не побеспокою! И вы меня не выручайте больше, если увидите, ни хлебушком, ни рубликом. А то обленюсь я, обнадеюсь, что можно что-то без труда получить. Нам лениться да поблажек себе давать никак нельзя! Только на себя и надежда. Будьте здоровы! Спаси Бог, что мной не побрезговали, по-человечески обошлись, – Татьяна Ермолаевна кланяется и уходит.

...Пару раз я видела ее стоящей у пивных ларьков и тоскливо глядящей на пьющих мужчин. Если бы я не знала ее историю, то так же, как и другие, подумала бы, что это опустившаяся бомжиха мучается с похмелья и ждет пустые бутылки или остатки пива. Но я-то знала, что это – страдавшая женщина, мать, стоит в жадной надежде увидеть парня, так похожего на ее сына, который навсегда остался для нее молодым...

Продвинутая (рассказ)

Я иду в книжный магазин, расположенный рядом с домом Маргариты Борисовны, и вижу ее разговаривающей с местной бомжихой – корейкой Зойкой... Стоя ко мне спиной, Маргарита Борисовна не видит меня. Я останавливаюсь неподалеку, не желая прерывать оживленную беседу двух женщин.

– Зоя, ну почему вы пьете?! Жизнь так прекрасна и удивительна! – с трагическим отчаянием в голосе восклицает Маргарита.

– А выпьешь – она еще прекраснее и такая удивительная – ты себе представить не можешь! – оптимистично отвечает ей собеседница.

– Вы так много теряете из-за своих выпивок! – продолжает увещевать опустившуюся женщину моя приятельница.

– Чё это я теряю? И чего ты, трезвая, нашла? Собаку, что ли, которая тебя на веревке таскает, или ты ее, не поймешь вас: то она тебя тянет, то ты ее... Дак я тоже могу собаку, да не одну – вон их сколько у помойки бегают! – привязать и таскать, как Сонька сумасшедшая с кобелями своими черными. Экая невидаль! Чё я потеряла-то? А получила много: вон у меня сколько друзей! Это ведь они меня поят. У тебя есть столько друзей, чтобы они тебя бесперебойно выпивкой обеспечивали? Нету! А у меня есть. И все через это дело, – горделиво заявляет Зойка, щелкая себя по горлу.

– Ну это же вас губит, поймите, Зоя! Я прекрасно помню, какая вы были еще два года назад: молодая, симпатичная. А сейчас? Посмотрите на себя! Подурнели, состарились, – не оставляет попытки направить на путь истинный свою знакомую Маргарита.

– Чё мне на себя смотреть? Я себя и так помню. Как молодая красивая была так и осталась. Куда красоте деться? – недоумевает нечесаная, оплывшая, вся в синяках, грязная бомжиха. – Я всегда красотой выделялась. И в классе самая красивая была, все мальчишки за мной бегали. Да и сейчас все мужики вокруг мои. У кого хочешь отобью. Вот был бы у тебя мужик – и у тебя бы отбила, у трезвой... Сама лучше на себя в зеркало посмотри: не пьешь, а красивше меня, что ли?

– Что вы нас сравниваете! Я намного старше вас! – восклицает Маргарита.

– Вот видишь, ты не пьешь, а старость и до тебя добралась. А я пью, но ко мне она еще не скоро в гости. Мне месяц назад двадцать семь исполнилось, вот и праздную... Что, за свой день рождения и выпить нельзя, что ли?

– Месяц прошел, а вы все еще празднуете?!

– Ну ты даешь, мать! – ухмыляется Зойка. – Я же год этого дожидалась! Год ждала, и одним днем обойтись должна, по-твоему? Да если в один день столько выпить, так сразу концы отдашь. Нет, я лучше постепенно буду праздновать... Да меня еще и не все поздравили! Кого встречу, говорю: «А у меня день рождения». Они мне: «Айда, выпьем!» Из уважения... Я что, за свой день рождения выпить не могу, если я его год дожидалась? Это же день рождения-я!!! Не будь его, и меня на свете не было бы. С кем бы ты сейчас говорила, а? Двадцать семь лет мне, а ты – «состарилась»! Тебе самой-то сколько? Семьдесят уж, поди?... Вот ты и состарилась, хоть и не пьешь. И что, отогнала от себя старость? Спряталась от нее? Это ты свой день рождения, поди, вовсе не празднуешь, тебе бы лучше вообще бы их не было, дней-то этих, потому что они тебя уж не к старости, а к смерти близят... Ладно, не горюй, мать, все там будем, – подбадривающе хлопает Маргариту по плечу бомжиха. – Говорят, в раю-то лучше, еще лучше, чем здесь. Не горюй: здесь живем, как короли, в свое удовольствие, а там-то еще лучше жизнь обещают.

– Но, Зоя, чтобы попасть в рай, – ухватилась за возможность убедить бомжиху встать на путь истинный ярая атеистка Маргарита, – нужно вести себя здесь, на земле, хорошо, постараться исправить свое поведение!

– А чем тебе мое поведение не нравится? Чё я сделала такого? Убила кого? Ограбила? Утащила у тебя чё-то? Чем оно плохо? Это тебе, поди, крыса эта, Светка, наябедничала, что я ее побила? Знаю, знаю, вы с ней все время шушукаетесь. А она тебе сказала, нет, за что? Она у меня мужика отбила с бутылкой вместе! – гневно восклицает возмущенная Зойка. – Поняла?! Я мужика у ларька поддела, на бутылку уговорила, идем с ним, у него бутылка уж в руке, а тут эта крыса со своими улыбками на готовенькое: «Возьмите меня с собой!» Я ей: «Пошла отсюда!» Понимаешь, такое у меня состояние, что я бы и одна бутылку враз опрокинула. А тут мужик еще, да она, гадина, лезет. Мужик ей: «Пойдемте, всем хватит». Я говорю: «Нет, не хватит! Вали отсюда». Вижу, она и не собирается меня слушаться, тогда пнула ее. А мужик за это меня пнул, да больно так! Я пока корчилась, он ее подхватил и смылся с бутылкой вместе. «Ну, – думаю, – погоди, ненадолго ты от меня ушла». К вечеру отыскала ее пьяную, даже разговаривать не стала: она же пьяная, ничё не соображает, чё с ней говорить? Сразу избила ее, без разговоров...

И чё, из-за этой крысы меня в рай не возьмут, что ли? Ничего себе заявочки! Надо было это дело так оставить по-твоему? Чтобы она и в другой раз такую подлость устроила: и мужика уведет, и бутылку. Ведь я все сладила, а она на готовенькое, гадина! И за это ее – в рай, а меня под зад коленом оттуда, да? Так нечестно, тетя... Да я эту Светку, если меня из-за нее в рай не пустят, так изобью, что сама побежит за меня просить. Вот увидишь! Я и так хотела ее снова побить. А сейчас побью, конечно... Пусть хоть кому жалуется!

– Зоя! – умоляюще взывает Маргарита. – Ничего мне Света не рассказывала, не бейте ее, пожалуйста.

– Побью! – мстительно обещает собеседница.

– Я совсем не Свету имела в виду, когда говорила о плохом поведении. Я имела в виду ваш образ жизни, стиль... И эти компании мужчин вокруг вас! Это же все очень плохо!

– А чем тебе мужики не нравятся? – недоумевает бомжиха. – Свой, поди, плохой был, вот и думаешь, что все такие. А ты своего с другими не равняй! Не все плохие, – назидает Зойка. – Давно уж, поди, свой-то умер?

– У меня никогда не было мужа, – признается Маргарита.

– Ну вот! – восклицает собеседница. – У самой ни одного не было, а откуда-то знает, что мужики – это плохо... Или рассказал кто об этом, а? Им не верь, мне верь: мужики – это хорошо! Точно говорю. Их вон сколько у меня было. Или завидуешь, что у меня много, а у тебя ни одного, а, тетя? – игриво толкает Маргариту локтем в бок Зойка. – Я бы с тобой поделилась, да на тебя не клюнут – стара ты для них... Мужикам внешность нужна, копаются они в бабах-то, – сообщает коротконогая, беззубая Зойка Маргарите. – У меня потому их и много, что я налицо красивая и молодая. А к тебе их не заманишь. Если только совсем пьяные будут...

– Но, Зоя, у женщины привлекательным должно быть не только лицо. Вы должны это понимать. Может быть, поначалу привлечет внешность. Но потому будет интересовать то, что у вас внутри. И это внутреннее нужно сделать не менее привлекательным, чем лицо.

– Ха!.. Ну, ты насмешила, мать! Она мне объясняет, чем баба мужика привлекать должна, каким местом, кроме лица... Да у меня это внутреннее место, если хочешь знать, такое привлекательное, что мужики вокруг, как пчелы возле меда! Я в седьмой класс пошла, а мне мать уж все рассказала про привлекательное то место раньше тебя. И у меня с той поры ни одной осечки не было, чтобы мужику понравилась, выпили, пошли, я бы ему внутреннее то показала, а он бы не одобрил и ушел... Я любого привлеку! На спор могу. Вот из них, – Зойка машет рукой на прохожих, – любого. Просто мне лень с ними разговоры болтать. Все равно, если мужик за бабу взглядом ухватился – ему одно надо. А мудаки эти сначала разговорами заму-

чают, а потом за внутреннее берутся. У меня скулы сводит от их разговоров. У тебя вот ни одного мужика, говоришь, не было, а у меня их столько, что если все их палочки взять и тебе ими спину утыкать, то ты бы была чистый еж! Да если бы они и впрямь с иголку были, и то бы, поди, не уместились у тебя на спине. Вон, – она показывает рукой на проходящего здорового мужика под два метра ростом, – у него бы, если бы каждый с иголку был, может, и уместились бы. Но тех, у которых с иголку, я не люблю... Так, если только за бутылку! А то какое удовольствие? Я ведь тоже должна о своем интересе думать, правильно, тетя? Ты вот меня учишь привлекательности, а сама и не знаешь ничего, я тебя скорее научу, да тебе уже поздно... А не веришь, что я везде привлекательная, спроси Гришку или Серегу – они все время из-за меня дерутся, спроси, спроси! А то, вижу, не веришь... Ты вот своим местом внутренним ни одного мужика за всю жизнь не заманила, а меня учишь! Жалко, поздно встретились, а то бы я тебя научила, и ты бы привлекла, побаловалась бы, – заговорщицки подмигивает Маргарита Зойка.

– Зоя, но отношения с мужчиной – не самоцель! Долг женщины перед природой – родить ребенка, дать жизнь новому существу, восполнить человечество в случае неминуемого ухода, – с пафосом восклицает Маргарита Борисовна. – А вы, ведя себя таким образом, пропустите свой срок и не выполните своего естественного предназначения, не родите ребенка.

– Ну, это ты врешь! Я свой долг раньше всех сроков выполнила: школу еще не кончила, а долг природе отдала – на, получи! Врешь, родила...

– Как, у вас есть ребенок?!

– Здравствуйте, я ваша тетя! Есть, конечно... Не знаешь, а попрекаешь.

– А где же он?

– Да где ему быть, как не на родине? В Якутии, на родной земле.

– У кого он там?

– У хороших людей. Небось, сыну своему плохого не желаю. В детдом определила. Мать моя хотела забрать, да она пьет, разве можно пьянице ребенка доверить? Пусть другие доверяют, кому их дети не дороги, а я – нет! Месяц грудью покормила и унесла в детдом, отдала. Так что с природой счеты свела, в долгу у нее не числюсь. Потребовали там у меня документы подписать, что отказываюсь, если кто усыновить захочет. А я так сказала: «Пусть берут в семью, но чтобы он знал, кто его настоящая мать». Вот как! Так что и имя мое, и фамилия моя. Мой ребенок. А отчество, знаешь, какое? – хитро улыбается непутевая мать. – Михайлович! Тогда Горбач заправлял. Я в честь него. Пусть в отцах числится. Так что у него на стороне сын растет. Я и в метрике, где отец, записала: «Михаил Сергеевич Горкачев». Одну только букву заменила. Сама придумала, – горделиво сообщает Зойка.

– А сколько лет вашему сыну?

– Дак сама считай! Считать, что ли, не умеешь? В семнадцать я родила, месяц назад мне двадцать семь исполнилось... Дак столько?... Десять получается. О, десять лет дармоеду моему. Во время летит! Будто вчера орала на столе – тяжело рожала. Потом он сиську сосал. Такой смешной! Глаз-то нету почти, как и я, узкоглазый, – Зойка умильно улыбается. – А сейчас уже десять лет. Большой! В каком он классе получается?

– В третьем или четвертом.

– О, в четвертом! Писать уж давно научился. Мог бы матери письмо написать. Так, мол, и так, живу хорошо... Вот они – дети: рожай их, мучайся, а они потом тебе письма не напишут.

– Ну он же не знает, куда вам писать! Как он напишет? Он, может, не знает, живы ли вы. Вы давали ему о себе знать? – возмущается Маргарита.

– А куда я денусь? Жива, конечно. Не видишь, что ли? А он чё, засранец, мать родную живьем хоронить надумал, что ли, паршивец? Куда мне писать, если адреса нету?

– Вот именно! Вы хоть матери своей пишите, Зоя... Вы с ней связь поддерживаете?

– Нет! Чё мне с пьяницей поддерживать?

– Ну вот... Видите, сами мать забыли, а ребенка своего упрекаете, что он вам не пишет.

– Чё я ей писать буду, если она пьяница и меня била? Я своего вот не била. За что ему на меня обижаться? О, знаешь, мать, давай ты ему напиши, а то у меня времени нету письма писать! А ты все равно на пенсии, тебе делать нечего. Сядь и напиши сыну от меня. Мол, так и так, дорогой сынок, мама тебя помнит, любит, живет в Москве. А я попрошу в фотографии на углу меня сфотографировать и карточку ему pošлю, – загорелась идеей бомжиха.

– Стоит ли, Зоя, сейчас напоминать о себе, посылать фотографии?

– Почему нет? Пусть знает, какая у него мать. Ты вот свою знаешь? Я знаю... А почему Васька мой знать не должен? Не хуже, чем у других, мать-то у него... Не ленись, тетя, напиши. Сделай доброе дело.

– Ну, вы адрес-то знаете, куда писать?

– А чего его знать? У нас на весь город один детдом. Так и пиши: Андан, детдом, Киму Василию. И свой обратный адрес укажи. Ответ придет, мне отдашь. И фотографию пусть вышлет. Рисунок еще какой-нибудь пусть... Договорились, тетя? Вот он письму от матери обрадуется!

– Но, может, его уже усыновили?

– Ну и что? Я не против... Но записано было, обязаны сохранить имя и известить, что есть настоящая мать, адрес семьи оставить. Должны выполнить! Я же государству его доверила, а не какой-нибудь шарашке... Пиши, пиши, обрадуй парня! А я сфотографируюсь схожу.

– Зоя, погодите фотографироваться, я вам подберу что-нибудь из своей одежды.

– Ты чё! На что мне твоя?... У тебя старушечья, не надо мне, – решительно заявляет бомжиха. – У меня, видишь? – она поднимает ногу, показывая стоптанную грязную кроссовку, – «Рибок». Это самая модная фирма. А это, – она распахивает замызганную куртку и открывает надпись на футболке, – «Найк», тоже самая модная среди молодежи. А ты хочешь мне старушечье подсунуть! Я в спортивном стиле одеваюсь... Джинсы видела у меня? – Зойка поворачивается задом к Маргарите, поднимает куртку, чтобы на брюках был виден лейбл. – Это – «Кристиан Диор». Ты, поди, и не слыхала про такие названия... Они самые продвинутые. Мне спортивная одежда идет, а другая – нет! Серега как-то притащил шляпу вот с такими полями, – она делает руками большой круг возле головы. – Но мне не идет. Надела – как гриб! Серега говорит, модно, мол, на афише видел певицу в такой шляпе. А я плевать хотела – если мне не идет, то пусть хоть сто певиц наденут, меня не уговорят.

– Но свою одежду вы, наверное, по помойкам собираете. Неизвестно, кто ее там оставил. Это же негигиенично! – морщится Маргарита.

– Я по помойкам?! – возмущенно удивляется бомжиха. – Да я никогда на помойках не роюсь. Меня хоть раз там видела?... Мне все мужики наши приносят и дарят: и одежду, и все другое. Они сами там роются. Не хватало мне еще на помойках рыться! Я сама ничего не делаю, – гордо заявляет Зойка. – Они и бутылки собирают и еду готовят. А сыну приятно будет, что мать у него модно одевается, продвинутая, значит... А у тебя самой дети-то есть? Ты сама-то отдала долг?

– Я не была замужем, поэтому детей у меня нет, – словно бы уже и оправдывается Маргарита.

– Ну и что? Я тоже не была. И мать моя не была. Природа у тебя паспорт, что ли, просила, как долг-то отдавать? – иронизирует бомжиха. – Меня учишь, а сама – неученая! Историю ты в школе учила, нет? Первобытные люди вон и писать не умели, загсов никаких не было, а детей рожали. Если бы они стали загсов дожидаться, то и людей бы никого на земле не осталось – вымерли бы все до загсов. В Африке до сих пор голые ходят, ни читать, ни писать не умеют, а рожать рожают. И я родила, никого не спросила. А ты, если не родила, так хоть письмо напиши, не ленись.

– Хорошо, Зоя, я напишу, но вы Свету не трогайте, пожалуйста!

– Чё, испугались за нее? Ты ей правда, что ли, тетка?

– Что вы за глупости говорите? Никакая я ей не тетка.

– Не тушуйся, мать! У Сереги тоже дядя в Москве живет, а его не признает, как ты вот. «Ты, – говорит, – меня перед соседями позоришь». Ему соседи важнее родного племянника. Видала, какой? А чё Серега такого сделал? Убил кого, ограбил? Ну, черт с ним, с дядей этим... На фига такой дядя сдался? Ладно, я Светку не трону, если ты письмо напишешь, – уже явно шантажирует Маргариту Зойка. – Идет?

– Хорошо! – обреченно соглашается Маргарита. – Но вы, Зоя, все-таки подумали бы о будущем, тем более, у Вас ребенок... Постарайтесь меньше пить, следите за собой... Может, Вам удастся устроиться на какую-нибудь работу.

– На работу?! Сдурела ты? Да, если завтра объявят, что трезвых и чистых на работу поволокут, я в стельку напьюсь и грязью измажусь, даже дерьмом могу, только бы не трогали. Мне вон из подвального магазина азер говорит: «Мой у меня полы, мети тротуар, товар грузи, а я тебе двадцать рублей в день буду давать». Нашел дуру! За полбутылки вкалывать я буду? А на закуску, а папиросы? Я вот без всякой работы и выпивши всегда, и с куревом, и сытая. А ему вкалывай, да еще трахать меня, конечно, будет, и на выпивку не заработаешь... Ищи дураков! Мне и без работы хорошо.

– Я не такую работу имею в виду... Можно договориться в жэке (я уже спрашивала там), чтобы устроиться дворником. Вы говорили, что у вас есть паспорт. А если вас возьмут дворником, вам дадут служебную комнату, будет жилье.

– Ты чё? Кто тебя просил? Да если меня из-за паспорта этого работать заставят, я его сожгу к черту. Жилье будет!.. Оно у меня и сейчас есть. Мыс дворником этим по соседству живем: он на пятом этаже, а мы над ним на чердаке. Какая разница?

– Но вас в любое время могут оттуда выгнать.

– Другое место найдем. Подумаешь!.. Уже выгоняли и не раз. А его не могут выгнать? Не заплатит за комнату свою несчастную – погонят. Мети, скреби целый день, орут на тебя, кому не лень, а живешь не лучше нашего. Да еще плати! А мы в соседях и не платим, и сами, на кого хочешь, орем, над нами начальников нету... Ладно, мать, у меня времени нет с тобой болтать. Это ты на пенсии, тебе делать нечего, можешь лясы точить, а мне идти надо... Значит, договорились: ты письмо пишешь, а я Светку не трогаю! – Зойка обнимает за плечи Маргариту. – Будь спок, подруга! Я в дружбе верная, обещание сдержу. И ты не подведи! А если не напишешь, то я Светку, будь здоров, как отметелю: и за себя, и за тебя... Смотри, напиши! Бывай.

Зойка спешной походкой удаляется...

Андрей Макаров

Макаров Андрей Викторович родился в 1962 году в Польше, в семье военнослужащего. После школы окончил Ленинградское Арктическое училище, десять лет отработал на судах заграничного флота ВМФ. С 1994 года военный журналист. Подполковник внутренних войск. Живет в Подмосковье.

Публикуется более десяти лет, со своими произведениями выступал на радио и телевидении. Вышли две книги (С.-Петербург, 1994 г и Москва, «Воениздат», 2003 г.).

Основные публикации – в журналах «Юность», «Смена», «Воин России», «Роман-журнал XXI век».

Две литературные премии – имени Андрея Платонова и Валентина Катаева.

Третий двор (рассказ)

Если ранним утром выйти на набережную, то сырой балтийский ветер ползет под куртку, попытается сорвать шапку и закружит, упруго толкая тебя назад в четкие и прямые линии Васильевского острова. Осенью ветер с залива запирает Неву, и тяжелая черная вода на глазах поднимается, подходя к краю гранитной набережной.

Рано. Половина шестого. В летящей мороси фонари сверху смотрятся желтым яичным пятном. На набережной никого нет, только вывернет из-за горного института и промчится на страшной скорости со скрипом и грохотом первый трамвай. За окном единственный пассажир досыпает, согнувшись на фанерном сиденье и мотая головой в такт броскам вагона. Но вот трамвай умчался, унося красные огоньки и исчез, растаял, чтобы вдали свернуть на мост лейтенанта Шмидта.

Идет к мосту, придерживая рукой фуражку-мичманку, и Олег. Чтобы по мосту перейти Неву, свернуть на Английскую набережную и уже по ней дойти до Адмиралтейских верфей, где днем через высокий забор и дома видны мачты стоящего на ремонте парусника.

Парусник на ремонте уже третий месяц. Первые полтора с корабля сутками не уходили рабочие. Ломали переборки старых кают, в которых еще недавно ютилось на подвесных койках по шесть-восемь курсантов, чтобы сделать каюты или, точнее, апартаменты для богатых туристов. Резали трубопроводы, срывали доски палубы. Над ней выли шляфирки, стучали пневмомолотки, сбивая старую краску и ржавчину, обнажая темно посверкивающий серебром металл. Но через два месяца деньги на ремонт кончились, ушли на другие суда рабочие, и парусник остался у стенки завода ожидать решения судьбы. Найдутся ли на него деньги у бедного государства, или купит его новый богатый или просто, сняв все ценное, отправят корабль на металлолом в Китай или Индию.

Никто не будет платить зарплату команде стоящего на приколе корабля, и ее рассчитали, отправив по домам. Остались лишь Олег – штурман, еще молодой парень двадцати пяти лет, лишь несколько лет назад закончивший высшую мореходку, третий помощник капитана и Павел Леонидович, старший механик – дед, пятидесятилетний отставник, двадцать с лишним лет до этого отходивший механиком на эсминцах и крейсерах, а сегодня оба они – сторожа, несущие вахту у трапа двенадцать через двенадцать, поделив сутки надвое.

Набережная еще спит. Спят дома с темными окнами, спят пришвартованные прямо к набережной речные сухогрузы. Новые, с закрытыми деревянными щитами и прямоугольными иллюминаторами. У речников все не как у людей, скорее, не иллюминаторы на их судах, а окна. И ходят они по своим рекам от бакена к бакену, как по веревочке. Сухогрузы поставили в ряд по четыре-пять и лишь на мачте крайнего зажжен стояночный огонь. Невская волна поднимает их одно за другим, словно клавиши гигантского пианино.

Вчера был выходной. Узкий газон забросан смятыми картонными стаканами, пустыми сигаретными пачками, пластиковыми бутылками. В воскресенье здесь прошла московская орда. Новая мода из обгаженной столицы ночным поездом приехать в Питер, покуролесить здесь, пошляться по Невскому, съездить на фонтаны в Петродворец, полетать на катере по Неве, съесть шашлык на набережной и вечером, культурно отдохнув, на ночном экспрессе укатить назад в Москву.

Теперь ветер с Балтики гонит не листья, а пустые пакеты из-под чипсов и орешков.

Над домами с другой стороны Невы медленно светает. Негроидный Иван Федорович Крузенштерн стоит на постаменте напротив военно-морского училища, задумчиво свесив голову. А Олегу надо свернуть направо через мост, пройти над Невой и еще раз свернуть направо к верфи. На мосту ветер прохватит насквозь, и он бежит к остановке, чтобы успеть вскочить в подходящий трамвай.

* * *

Попасть в обычную, самую рядовую петербургскую квартиру просто. Надо недолго идти по любой центральной улице или проспекту, не важно, на Васильевском острове, Петроградской стороне, Коломне или даже на Невском. Вскоре, буквально через несколько десятков метров в парадном ряду домов обнаружится арочка. За ней небольшой, сплошь заасфальтированный, заставленный машинами двор. Еще одна арочка в глубине двора уведет еще дальше от проспекта, снова будет дворик узкий и высокий, так что сходящиеся кверху стены домов открывают лишь маленький участок неба. В нем много всякого хлама, каких-то коробок. Древний автомобиль полуразобран и вместо колес стоит на деревянных чурках. Есть еще и третий двор, но там и вовсе стоят баки помойки, даже днем шныряют крысы. И все же это дворы, куда выходят двери нескольких парадных. Бывшие черные лестницы доходных домов все также круты и узки, выкрашены. В густой зеленый или темно-коричневый цвет, только краска давно облупилась. На каждой площадке тяжелые деревянные двери украшены гирляндой звонков. Под некоторыми на табличках под звонками еще и по две-три фамилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.